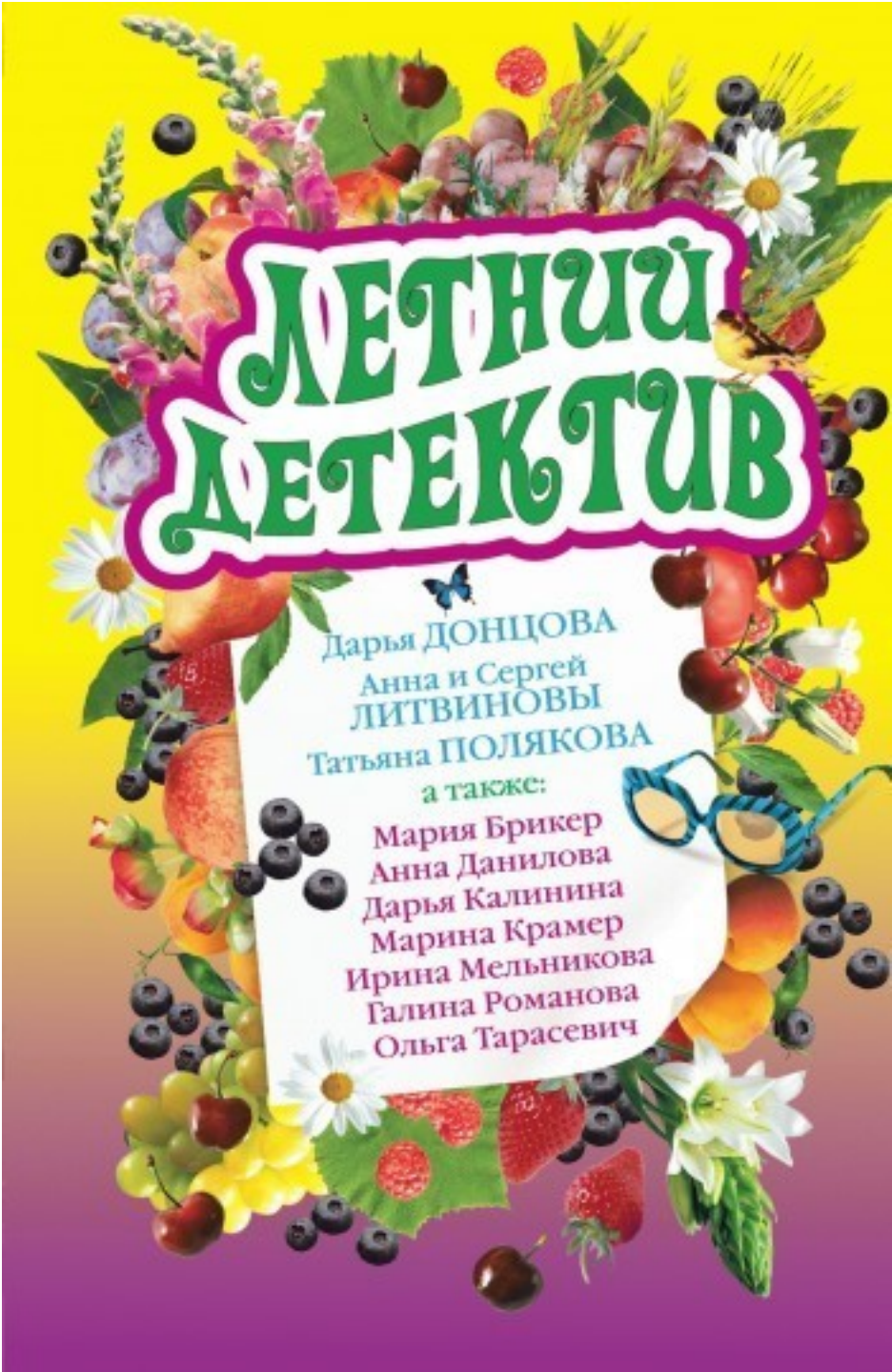

ЛЕТНИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья ДОНЦОВА
Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ
Татьяна ПОЛЯКОВА
а также:

Мария Брикер
Анна Данилова
Дарья Калинина
Марина Крамер
Ирина Мельникова
Галина Романова
Ольга Тарасевич

Дарья Донцова
Летний детектив

«ЭКСМО»

2009

Донцова Д. А.

Летний детектив / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2009

Лето – лучшее время в году: ласковое солнце, теплое море, сочные фрукты, экзотические цветы и, конечно, долгожданный отдых. Ваш отпуск станет незабываемым, если вы возьмете с собой интересную книгу! Для сборника «Летний детектив» Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Полякова и другие популярные авторы написали остросюжетные рассказы, действие которых происходит знойным летом!

© Донцова Д. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Мария Брикер	5
Анна Данилова	19
1	19
2	22
3	26
4	28
5	33
6	37
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Анна Данилова, Анна и Сергей
Литвиновы, Дарья Донцова, Дарья
Калинина, Ирина Мельникова,
Марина Крамер, Мария Брикер,
Татьяна Полякова, Галина
Романова, Ольга Тарасевич
Летний детектив**

**Мария Брикер
Уик-энд в Париже**

«Динь-динь. Динь-динь... Динь-динь! Ну, ты чего, не слышишь?! Динь-динь!!!»

С каким удовольствием она сейчас удавила бы Пашку за то, что забил в ее мобилу этот звонок, раздраженно подумала Алина, с ненавистью глядя на свой сотовый. К сожалению, абонент в настоящий момент находился вне зоны ее доступа, и удавить эту подлую скотину не получится. Свалил к близкой подруге Лизавете, а ей оставил на память вопли долбанутого ребенка. Она же просила что-нибудь такое... типа «Лондон—Париж»... Или «Never let you go»... Иракли и Билан. Билан и Иракли. Отстой, конечно, попса, но ребенок, которого надо в дурдом сдать, пока связки не посадил, намного хуже.

Как ей теперь другой звонок установить? В принципе нет ничего невозможного... для людей с интеллектом, если руки из правильных мест растут, а если они растут из...

«Ты что, не слышишь?! Динь-динь-динь!!!»

– Слышу! – раздраженно буркнула Алина в трубку, резко захлопнула форточку и чихнула.

За окном кружился белый пух, оседал на траву, деревья и кусты, лип к подоконнику, лез в форточку – даже антимоскитная сетка не помогала. Песня еще, как назло, пристала. Снег кружится, летает, летает и, поземкою клубя... замедляет, блин, замедляет, все, что было до тебя. До него все было прекрасно, ни соплей, ни распухшего носа. А снег не знал и падал.... А снег не знал и падал.... Не знал, собака, что у нее из-за этого глаза теперь узкие, как у китайца, и пришлось взять отпуск за свой счет на две недели, потому что больничный ей не дали. Изверги! Плевать всем, что у нее аллергия и она помирает в период цветения тополей, которые на своем пуху разносят споры злаковых, пыльцу растений и прочие гадкие аллергены. Пейте антигистаминные препараты. Можно подумать, она не пьет! Жрет таблетки горстями, в нос брызгает спреями, а все без толку, только в сон клонит и сухо во рту. Невозможно так жить! Невозможно! Когда, наконец, в Москве станет так же, как во всем цивилизованном мире? Когда местные домоуправы научатся различать тополя по половому признаку и начнут спиливать девочек, оставляя мальчиков? Алина читала, что в Париже и Вене такого безобразия нет.

Махнуть бы сейчас куда-нибудь в Европу, мечтательно подумала она и расстроено вздохнула. На ее копеечную зарплату можно позволить себе отдых лишь в санатории «Серп и молот» где-нибудь под Урюпинском. Отпуск, как назло, дали только за свой счет, денег нет, придется снова лезть в заначку.

С каждой зарплаты Алина откладывала небольшую сумму на очиститель воздуха нового поколения. Стоило чудо целое состояние, но ради этой волшебной штуkenции, способной превратить ее жилище в рай на земле, как сулили производители, она готова была затянуть поясок потуже. Однако, как ни экономила Алина, скопить нужную сумму никак не получалось, периодически приходилось заначку потрошить.

Лизка подбивала ее уволиться и поискать более кормное местечко, даже выклянчила у нее копию трудовой книжки, чтобы кому-то из своих серьезных знакомых ее порекомендовать, но Алина боялась перемен. Работа у нее была хоть и малооплачиваемая, но в прямом смысле слова – не пыльная. Трудилась Алина бухгалтером в небольшой частной конторке, арендующей лабораторию у разваливающегося научно-исследовательского института. В помещениях конторы царила абсолютная стерильность, что облегчало ее жизнь вечного аллергика. Правда, чем занимаются в лаборатории, Алина предпочитала не рассказывать. Надоело объяснять обалдевшим знакомым, что в разведении опарышей для рыболовных и зоологических магазинов нет ничего ужасного: личинок мух с гниющих трупов животных не снимают, а выращивают на твороге и курином желтке. В общем-то, она со своей аллергией научилась существовать. Если бы не тополиный пух, то все в ее жизни было бы нормально! И Пашка к Лизавете бы не свалил. Алина злилась на бывшего бойфренда, но особенно не осуждала. Чем она могла его удержать? Сопливым носом? Конфузы случались регулярно. В последний раз чихнула во время прелюдии Пашке в физиономию, а потом хрюкнула во время секса из-за насморка – какой мужик такое выдержит.

А как замечательно все начиналось.... Встречались два раза в неделю, ходили в кафе или в кино, гуляли по городу, а потом ехали к ней, вино пили, «Изабеллу», музыку слушали... Спасибо бабуле, оставила в наследство отдельную квартиру: лилипутскую однушку в хрущевке на метро «Планерная», но с перспективой когда-нибудь переселиться в новостройку в Южном Бутово. Все! Все было прекрасно! Пашка восхищался, как у нее дома чисто, и собирался сделать ей предложение. Намекал, во всяком случае, что собирается. Они даже похожи были и стали бы прекрасной парой.

Да, с пылью она боролась жестоко, ежедневно делала влажную уборку, постельное белье меняла через день, тщательно отгладив простыни и наволочки, иначе слезы и сопли ручьями лились. Покушать умела приготовить, борщ сварить – пожалуйста, котлет нажарить – не проблема. Если бы не гнусные тополя, то Пашка не свинтил бы к близкой подруге. Впрочем... Лизка хоть не была красавицей, но умела себя подать так, что мужчины слепли и падали к ее ногам. Яркий макияж, сексапильная одежда, длинные белые волосы, туфельки на шпильке, мурлыкающий голос и большая грудь – как на такую фифу не повестись. Успешная, холеная, эффектная, зарабатывает отлично, одевается в фирменных магазинах, посещает салоны красоты и фитнес-клуб. Лизка тоже работала бухгалтером, но получала в десять раз больше и даже ипотечный кредит не побоялась взять, чтобы купить собственную квартиру. Несколько лет назад она приехала из маленького провинциального городка поступать в институт, и, чтобы выжить, ей надо было вгрызаться в жизнь зубами. Что, собственно, она и делала. Увела мужика и глазом не моргнула. На фоне близкой подруги Алина всегда проигрывала, хотя дурнушкой назвать ее было нельзя: синеглазая, русоволосая, коса по пояс, фигурка стройная, носик аккуратный, когда соплей нет... Но это же не всегда, а раз в году!

Алина снова чихнула.

– Будьте здоровы, – вежливо отозвались на том конце провода, голос был незнакомый и немного вибрировал.

– Спасибо, – поблагодарила девушка, шмыгнув носом.

– Тополиный пух, жара, июль, – сказал невидимый собеседник.

– Июнь, – поправила Алина. – Впрочем, неважно. Жара, лето, а у меня аллергия на тополиный пух.

– Будьте здоровы, – повторили в трубке.
– Спасибо, – еще раз поблагодарила Алина.
– Тополиный пух, жара, июль, – рассказал ей собеседник.
– Угу, я в курсе. Вы по какому вопросу?
– Будьте здоровы, – раздалось из мембраны.
– Спасибо! – рассвирепела Алина. – Вы, наверное, номером ошиблись.
– Тополиный пух, жара, июнь, – ехидно заметил голос.
– Ой! – Алина расхохоталась. – Доперло до меня наконец-то. Я что, в прямом эфире на радио?

В мембране послышались аплодисменты.

– Какая вы проникательная девушка! Вы догадались о розыгрыше раньше всех и выигрываете наш главный приз – путевку на уик-энд в Париж. Поздравляю!

– Серьезно? Не может этого быть! Я не верю! Не верю! – Алина станцевала с телефонным вальс. – И что теперь? Куда-то надо, наверное, за призом приехать?

– Не беспокойтесь. Скажите свой адрес, и мы курьера отправим. Надеюсь, у вас загранпаспорт есть?

– Обалдеть!

– Так есть?

– Ну конечно! Я уже за границу ездила, в Болгарию по профсоюзной линии, – с гордостью сообщила Алина и торопливо продиктовала свои координаты, опасаясь, что абонент передумает и отсоединится.

– Еще для посольства справка с места работы нужна, на фирменном бланке, с указанием должности, оклада и стажа работы. И две фотографии – три на четыре.

– Есть! – завопила Алина. – У меня все это есть! Я для Болгарии брала в двух экземплярах, а пригодился один, там дату только поставить надо.

– Замечательно, в таком случае курьер придет в течение часа. Приготовьте, пожалуйста, документы и передайте ему. Нам надо оформить визу и билет с гостиницей для вас забронировать. Отъезд через неделю, у нас в посольстве свои люди. В пятницу двадцатого июня в пятнадцать часов вам надо будет приехать в аэропорт «Шереметьево-2». Вас устраивает дата поездки?

– Устраивает! Мне в понедельник двадцать четвертого только на работу. Я в отпуске сейчас, – зачем-то объяснила Алина.

Собеседник тоскливо вздохнул.

– В зале прилета на первом этаже у главного табло вас будет ждать наш сотрудник, – продолжил он посвящать ее в детали. – Он вернет вам паспорт с Шенгенской визой, передаст билет и ваучер на гостиницу. К сожалению, мы оплачиваем только перелет, проживание, трехразовое питание и экскурсии по городу. Карманные расходы в смету не включены, и до «Шереметьево» вам придется добираться своим ходом.

– Конечно! Конечно, я все понимаю. Нет проблем! – Алина замахала рукой, словно собеседник ее видел.

– Извините, на линии ожидают другие слушатели, – сказал он. – Будут какие-то вопросы, звоните, мы с удовольствием на них ответим. А если у нас возникнут какие-то проблемы с оформлением документов, мы с вами свяжемся. Всего доброго. И... будьте здоровы!

– Спасибо вам огромное! Я так рада! Вы даже представить себе не можете как! – затараторила Алина, но благодетель уже отключился.

Париж, Париж, Париж! Эйфелева башня, Монмартр, Нотр-Дам де Пари, Елисейские Поля и никаких цветущих тополей. Боже, какое счастье! Не зря, не зря она учила французский, будет где применить язык!

Алина метнулась к стенке, чтобы пересчитать заначку. Плевать на очиститель! Четыреста тридцать евро. Этого за глаза хватит на сувениры коллегам, да и себе кое-что купить: туфельки какие-нибудь, сумочку и маме настоящие французские духи.

Курьер, молчаливый невзрачный юноша, приехал, как и было обещано, в течение часа, попросил подписать анкеты для визы, забрал документы, оставил визитку с номерами телефонов, по которым можно связаться с организаторами поездки, и испарился.

Алина проводила курьера и спохватилась, что забыла попросить у него расписку. Вдруг потеряет паспорт по дороге? Но волнение быстро прошло – мечты о Франции заслонили все. В конце концов, в Париж ее не какая-нибудь шарашкина контора отправляет, а любимое радио.

Неделя пролетела в хлопотах и сборах. Алина провела ревизию своих вещей и пришла к выводу, что в шкафу полный отстой и ехать в Париж ей совершенно не в чем. Пришлось наплевать на тополиный пух и пробежаться по магазинам: прикупить пару новых футболок и топиков, легкий свитерок насыщенно голубого цвета, джинсы, стильный белый сарафанчик, под него рубашку в ярких цветах, кожаную сумку и мягкие туфельки без каблука, чтобы было удобно гулять по Парижу. На каблуках у нее были – черные с эффектной серебряной пряжкой, да и маленькое черное платье давно пылилось в шкафу. Вещи были куплены для корпоративной вечеринки, но выйти в свет так и не получилось – накануне Алину свалил грипп. Теперь она блеснет в них в Париже, отправится вечером куда-нибудь на променад, а потом... Алина представила себя сидящей за столиком в дорогом ресторане, с бокалом красного «Шато Латур», и зажмурилась от счастья.

Одежду для поездки Алина закупала в стоке, который недавно случайно обнаружила на окраине города. Отличный магазин, если хорошо покопаться, то среди вороха барахла можно отыскать фирменную и недорогую вещь. Набег оказался удачным. Повертевшись у зеркала в обновках, Алина решила и себя чуть-чуть обновить: сходила в салон и решительно отстригла русую косу – сделала стильное каре с прямой челкой и перекрасилась в шатенку.

Дома она долго смотрела в зеркало и поверить не могла, что стала такая... такая необыкновенная. Кажется, впервые Алина себе нравилась – в ней появилось то, чего не было прежде – лоск. Завершили перевоплощение два сеанса солярия и, конечно же, французский маникюр! Теперь можно смело отправляться в Париж. Не беда, что нос сопливый и на глазах припухлость – во Франции она избавится от аллергии и вообще станет неотразимой. Правда, после набега на магазины и посещения салона красоты денег у нее почти не осталось, но Алина не сильно по этому поводу переживала: на сувениры хватит, маме она купит маленький флакончик духов, а новые туфельки и сумочка у нее уже есть.

Маман отреагировала на новость скептически, нудила полчаса, что этого не может быть, потом вроде поверила, но извела советами и все нервы истрепала: запихала в сумку теплые носки, батон сырокопченой колбасы, кофе, чай, сахар, сухие супчики и всерьез намылилась провожать ее в аэропорт. Жуть! Алина с трудом родительницу отговорила, жалея всем сердцем, что сказала про поездку. Надо было наплести, что к сотруднице на Клязьму едет на выходные. К слову, сотруднице, у которой была дача на Клязьме, – Ирине Самойловой, самой большой болтушке в их отделе, Алина не удержалась и позвонила, торжественно сообщив, что отправляется на выходные в Париж. Скоро о ее поездке будут знать все! Пусть от зависти усохнут. А то вечно за спиной зубоскалят, что она неудачница и вообще тетеха. Неудачницы не выигрывают поездки в Париж!

Ирка сквозь зубы пожелала Алине счастливого пути и выдала все новости о том, что произошло в коллективе за время ее отсутствия. Оказалось, на работе все ходят на ушах из-за таинственного происшествия: у шефа сперли из холодильника колбу с секретным раствором. Секретным – это сильно сказано. Ни для кого не было тайной, что шеф, Антон Петрович Ширяев, придурковатый добродушный старичок с трудовой мозолью на пузе, в душе

был романтиком. Его научные амбиции простирались гораздо дальше разведения опарышей в лабораторных условиях, он мечтал спасти человечество от вымирания и вот уже много лет корпел над рецептом «Эликсира бессмертия». Эликсиры свои Антон Петрович пробовал на себе и несколько раз оказывался в Склифе, где его научные изыскания вымывали из желудка с помощью физрастворов, но это профессора не остановило, он упорно продолжал эксперименты. Кому понадобилось тырить у шефа колбу с сомнительным содержимым? Не иначе, кто-то из сотрудников решил покончить жизнь самоубийством, хихикнула Алина и забыла о происшествии.

Ночью перед отлетом она никак не могла уснуть, ворочалась, боясь проспать, задремала лишь под утро и вскочила ни свет ни заря. Но настроение все равно было прекрасным. До «Шереметьево» пришлось, правда, своим ходом добираться, такси ее обнищавший бюджет никак не тянул.

В аэропорт она приехала немного раньше, выпила убийственно дорогой эспрессо в кафешке и встала у табло, приглядываясь к лицам и пытаясь вычислить человека, который должен вручить ей билеты и паспорт. Идиотка, ругала она себя, надо было хотя бы поинтересоваться, как он будет выглядеть.

Прошло полчаса.

В десяти шагах от нее кучковалась группа горластых туристов – дородные тети и мужики с красными физиономиями, явно с севера. Алина подошла и поинтересовалась, не во Францию ли они летят. Мало ли, вдруг победителей окажется целая группа. Ржание было ей ответом, оказалось, туристы летят в Тунис. Что было смешного в ее вопросе и что они собираются делать в Тунисе летом, Алина уточнять не стала и отплыла от группы.

Прошло еще полчаса.

Алина слегка занервничала, поглядывая то на часы, то на табло. На ближайший рейс в Париж уже объявили посадку, следующий был лишь вечером, выходит, это ее рейс. Куда же запропастился сотрудник с билетом?

Прошло еще полчаса.

Алина занервничала сильно. Что за ерунда? Может, она перепутала время и дату? Двадцатое июня, пятница, «Шереметьево-2», зал отлета, главное табло – все верно, она записала информацию в еженедельник. Да и с памятью у нее проблем не было.

В голове наконец-то мелькнула здравая мысль позвонить организаторам и все узнать. Ругая себя последними словами, что до сих пор этого не сделала, Алина нашла визитку, которую ей вручил курьер, и позвонила по указанному телефону. Оператор сообщил, что такого номера не существует. Алина набрала его еще раз, решив, что ошиблась, но из динамика прозвучало то же самое. Тогда она отыскиала в сотовом телефон, с которого ей звонили с радио. Оператор, словно издеваясь, повторила: такого номера не существует. Алина снова набрала его – безрезультатно.

Лица перед глазами расплылись, от волнения затошнило.

На табло мигали зеленые огоньки, приглашая пройти на регистрацию рейса в Париж. Алина бросилась к таможенному контролю, постояла там несколько минут, рассеянно глядя по сторонам. Как она ни пыталась осмыслить происходящее, ничего не получалось. Может, она стала участницей программы «Розыгрыш»? По радио развели, теперь здесь? Она поплелась обратно к табло, волоча за собой сумку, и вдруг заметила высокого темноволосого парня в белой футболке и рваных голубых джинсах. В руках он держал синюю пластиковую папочку, какие турагентства обычно выдают с билетами и паспортом. Сердце в груди радостно забило – совершенно очевидно, это был ОН!

Алина подлетела к мужчине и расплылась в улыбке, глядя на него снизу вверх.

– Вы не меня ждете случайно? – спросила она, кокетливо заправив за ушко прядь волос. Движение вышло произвольное – парень был хорош собой и во все стороны излучал муж-

ское обаяние. Сибирячки, отлетающие в Тунис, даже перестали ржать на весь аэропорт и приосанились.

– Наверное, вас, – улыбнулся парень, и в его желто-зеленых глазах вспыхнул интерес. – Меня зовут Матвей Залесский, я...

– Очень приятно, а меня Алина Метель, – с облегчением вздохнула она. – Господи, ну что же вы так опаздываете? Я чуть с ума не сошла, вас дожидаясь. Позвонили хотя бы или эсэмэску скинули. Черт-те что в голову лезло! Давайте паспорт и билет скорее, посадка на рейс уже заканчивается. Осталось пять минут.

– Как заканчивается? – с сомнением уточнил парень, посмотрев на табло, потом на часы и снова перевел взгляд на девушку.

– Обыкновенно! – разозлилась Алина – первое приятное впечатление развеялось, как дым. Ну и тормоз, неудивительно, что опоздал. И взгляд какой-то странный. Обкурился он, что ли? – Давайте документы, – поторопила она. Молодой человек неуверенно протянул ей папку. На лице его читалась растерянность. – Спасибо, – буркнула Алина. – Проводите меня?

– Куда? – окончательно растерялся он.

– На кудыкину гору, блин, – огрызнулась она. – Ладно, без вас справлюсь. – Она отвернулась и, подхватив дорожную сумку, побежала к зеленому коридору таможенного контроля.

– Девушка! Как вас там?.. Алина! – окликнул ее парень.

Алина даже не обернулась. Мало того, что опоздал и не извинился, так еще и сумку тяжелую не предложил помочь донести. Долдон какой-то. Ну что за мужики такие пошли? Пашку тоже вечно приходилось просить взять у нее сумку с продуктами. Не скажешь в лоб – не заметит в упор. Ведро помойное никогда не догадается выбросить. А сколько раз она просила его поправить карниз и прокладку в ванной поменять? Бесполезно! Хорошо, что он к Лизке ушел, скатертью дорога. Француза, может, себе подыскать в Париже? Говорят, они все жлобы, но как любовники ничего, нежные. А ей для счастья особо много и не надо, главное – чтобы любили. Пашка в постели нежным не был, слов ласковых на ушко не шептал – рукой по телу пошарит, чмокнет пару раз, и готово дело. А потом к компу, на сисястых девах пялиться. Пашка работал программистом и без компьютера жить не мог. «Интересно, Лизавете он слова любви говорит?» – подумала Алина и вдруг поняла, что ответ ей неинтересен. Боль прошла, она ничего не чувствует, ни ревности, ни злости, ни отчаяния – полный штиль в душе, лишь удивление: боже, как она была слепа! Зачем столько времени потратила на это убожество? Почему? Ради сомнительной перспективы иметь мужа? Да на фига он такой нужен! Лучше одной жить, чем с таким тьюфом, которого надо кормить и обслуживать.

Алина достала из папки билет с паспортом и протянула таможеннице, подпрыгивая от нетерпения и поглядывая на стойку регистрации рейса в Париж. До ее окончания оставалось три минуты. Девушка за стойкой уже поднялась и сладко потянулась, вероятно, решив, что больше никого из пассажиров не предвидится.

– Извините, – похлопали ее по плечу.

Алина обернулась, с раздражением глядя на виновника своего беспокойства, и плюхнула дорожную и дамскую сумки на томограф для досмотра багажа. Молодой человек тоже поставил свой небольшой кожаный рюкзак.

– Девушка, что вы сумки свои ложите? Провожающим туда нельзя.

– Так это я в Париж лечу! – возмутилась Алина.

– Паспорт тогда давайте и билет.

– А я что вам дала! – Девушка выхватила у таможенницы паспорт, заглянула в него, медленно передала документ молодому человеку и, подхватив свои вещи с томографа, отошла от стойки и уселась на пол.

– Матвей Яковлевич! Ну где же вы ходите? – заорал кто-то над головой.

Алина скосила глаза вверх: рядом стояла девушка-блондинка в темно-синем костюме и белой рубашке, с рацией и бейджем на груди, улыбаясь во все тридцать два металлокерамических зуба.

Алина зажмурилась и зарыдала на весь аэропорт. Кто-то подхватил ее под руку и куда-то потащил – от шока, слез и безысходности она ничего не соображала и не видела. Внутри все сжалось и болело, звенело в ушах, а в голове было пусто, словно в нее напихали тополиный пух.

– Тополиный пух, жара, июль... Тополиный пух, жара, июль... – шептала она, всхлипывая, истерично хихикая и вытирая слезы рукавом новой блузки в ярких цветах.

– Матвей Яковлевич, по-моему, эта девушка не совсем нормальная, – сквозь звон в ушах донесся до Алины высокий женский голос. – Я бы на вашем месте...

– Коньяку закажи, – перебил сотрудницу аэропорта мужской голос. – Кофе, чай и десерт какой-нибудь.

– Матвей Яковлевич...

– Делай, что тебе говорят! – рявкнул Залесский.

Окрик подействовал на Алину отрезвляюще, она очнулась и огляделась: уютное просторное помещение с большим плазменным телевизором на стене, барная стойка, столики, кожаные бежевые диванчики. На один из них как раз и усадили Алину.

– Извините, – нервно хихикнула она. – Я у табло ждала человека одного. Мне должны были билет в Париж привезти. Я думала, вы... Что у вас мой билет и паспорт.

– А я думал, вы менеджер по ВИП-клиентам, – улыбнулся Матвей. – Вы такая...

– Какая?

– Не знаю, – радостно пожал плечами он.

– Зато я знаю, – вздохнула Алина. – Я идиотка, дура наивная, и мой самолет в Париж улетел. Да и не было никакого самолета! Меня развели, как последнюю лохушку. Как я теперь на работу в понедельник пойду? Я же всем, всем, всем сказала, что выиграла тур и улетаю в Париж на уик-энд. А мама? Мама, она же... Она меня... Они все, все теперь будут надо мной потешаться! – Алина снова завывала на весь ВИП-зал и надрывалась до тех пор, пока Матвей силком не влил ей в рот коньяк. С утра она не позавтракала, только кофе выпила, и алкоголь упал в пустой желудок камнем. Камень быстро нагрелся, расплавился и растекся горячей лавой по телу – ее потянуло в сон. – Я неудачница, они правы, – тихо сказала Алина. – Только я могла добровольно отдать свои документы незнакомым людям. Клуша!

– Да полно вам так переживать. Зачем рассказывать кому-то, что вас обманули? Скажете на работе, что прекрасно провели время в Париже, – посоветовал Матвей. – Хотите, я привезу вам сувениры какие-нибудь, чтобы достоверно все выглядело. Я, правда, не в Париж, а в Ниццу лечу, но какая разница. Вернусь в воскресенье утром и по дороге из аэропорта заеду к вам. Вы водителю телефон свой и адрес скажите, я позвоню.

– Какому водителю? – вяло поинтересовалась Алина. Коньяк так благотворно подействовал на ее нервную систему, что соображалка окончательно отказалась думать.

– Моему водителю, Вове, он вас домой отвезет. Вы пока десерт покусайте и чайку попейте, он скоро за вами зайдет.

– Матвей Яковлевич, нам пора, – тактично окликнула его менеджер.

– До скорой встречи, Алина. – Матвей поднялся и направился за девушкой-блондинкой к выходу из ВИП-зала.

– Кажется, я брежу, – икнула Алина, отправила в рот ложку восхитительного шоколадного десерта и хлебнула чайку.

Не зря говорят, что шоколад – отличный антидепрессант. Когда Алина доела десерт, настроение ее немного улучшилось. Загадочный Матвей подсказал отличное решение! Дей-

ствительно, зачем кому-то знать, что ее развели мошенники и обманом вытянули документы? Естественно, она потом сходит в милицию и напишет заявление о краже паспортов. Пусть разбираются, кто и зачем сыграл с ней такую злую шутку, но коллегам по работе и маме знать об этом вовсе не обязательно.

Как и обещал Залесский, водитель Вова, хмурый здоровяк криминальной наружности, зашел за Алиной в зал ожидания и отвез домой, записав ее координаты на каком-то замусоленном листочке.

Алина спрятала волосы под бейсболку, надела черные очки и юркнула в подъезд. Вчера мамуля перед уходом заглянула к соседкам, двум престарелым сестрицам, подружкам покойной бабули, и сообщила радостную новость. Старые перечницы тут же явились поздравить ее и уточнить подробности, а с утра подглядывали за Алиной, когда она родные пенаты покидала – слышно было шуршание за их дверью, видно, любопытные клюшки пытались друг дружку от глазка отпихнуть. Не дай бог, увидят, что она вернулась! Мамуле доложат тут же. Про Пашку настучали сразу, как только он впервые переступил порог ее квартиры. Про остальных редких ухажеров мамуля тоже узнавала от них, а потом мозги полоскала лекциями о безопасном сексе и кобелях-мужиках, которые только и мечтают ее обрюхатить и слинять с горизонта. Убиться об стену! Мамулю понять, конечно, можно, она вырастила ее без отца, но всему есть предел! А если мамочка о Париже узнает, то... Алине даже думать об этом было страшно.

Она вышла из лифта этажом ниже, поднялась по лестнице, стараясь не дышать, открыла дверь и юркнула к себе в квартиру. Придется пожить два дня без света, телевизора и музыки. Кушать готовить тоже нежелательно – учуют бабки запахи, и пиши пропало. Ничего, обойдется без горячего, не умрет.

– Лондон—Париж, – пискнула Алина, упала на диван и накрылась пледом с головой. Хотелось плакать, но слез не было, видно, все выплакала в «Шереметьево». Хорошо, что в аэропорту неожиданный спаситель влил в нее коньяк, иначе она бы сейчас в Кащенко отдыхала. Алина прыснула со смеха, вспомнив, как пыталась прорваться через границу по его документам. Матвей Залесский... Интересно, кто он такой? Надо бы по компьютеру пробить, вдруг о нем информация в Сети есть. Матвей Залесский... Какое звучное и красивое имя... Матвей Залесский... А лицо какое привлекательное... Воспоминания о новом знакомом оттеснили терзающие душу вопросы: что за сволочь уперла у нее заграничный и российский паспорта? Кому и зачем понадобилось так зло ее разыгрывать?

Подумать над этим Алина решила завтра и провалилась в глубокий сон.

* * *

Она проспала сутки и проснулась от оглушающих раскатов грома. На небе были видны всполохи, начался ливень, омывая стекла, подоконники и прибывая к земле ненавистный тополинный пух. Чистый воздух, заряженный озоном, проникал в комнату даже сквозь плотно закрытые окна. В квартире стало зябко, дышать стало заметно легче, глаза больше не слезились, и насморк прошел.

Алина выпила горячего чая, снова улеглась на диван и замоталась в плед, как в кокон. Озноб не отступал, по телу ползали холодные мурашки и стыла душа. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой и несчастной. Если бы мошенники просто паспорта уперли, сумку на улице порезали, в квартиру влезли и обворовали, не было бы так мерзко. Они же сыграли на ее мечте, слабостях, в душу ей плюнули. А вдруг кто-то воспользовался ее документами, чтобы пересечь границу? Идеи на этот счет приходили в голову какие-то дешево-сериальные: криминальный авторитет выманил у нее документы обманным путем, чтобы тайно отправить свою дочь или жену в Швейцарию. Замечательно! Криминальным

авторитетам больше заняться нечем, как у нее документы красть, а потом разыгрывать. Зачем, к примеру, ее надо было в аэропорт вызывать, дату назначать, время? А что, если...

– Черт! – выругалась Алина и села, скинув плед на пол.

В квартире кто-то побывал за время ее отсутствия! Сейчас, когда насморк прошел, она почувствовала еле уловимый чужой запах. И половичок лежал не так, как обычно – вчера она машинально его поправила. Господи, похоже, мошенники все просчитали и не просто так отправили ее в «Шереметьево».

Ограбили! – охнула Алина с легким недоумением, потому как воровать у нее было решительно нечего. Она включила компьютер, чтобы монитор осветил комнату, бросилась к шкафу и распахнула дверцы – на пол вывалились вещи. Перед отъездом она сама их так запихала, после того как еще раз все перемерила – разбирать времени не было. Да, кажется, она сильно погорячилась, предположив ограбление! Алина вытащила из ящика шкатулку с драгоценностями и уселась на стул перед компьютером, перебирая свои нехитрые сокровища: жуткие сережки с фальшивыми рубинами – подарок мамы, золотой кулончик в виде буквы «А», рваные серебряные цепочки, нателный крестик на веревке. Алина надела крестик на шею и продолжила ревизию: два золотых колечка, одно с фианитом, другое с настоящим бриллиантом, правда, крошечным, бусы малахитовые, страшнющие, все было на месте, кроме... колечка ее бабушки.

– Не может этого быть! – не поверила своим глазам Алина.

Колечко не представляло никакой особой ценности: простенькое, золотое с бирюзой. Побрякушка, конечно, была симпатичной, Лизка постоянно поносить кланчила – типа, винтаж. Какой, на фиг, винтаж, если бабуля его из своего сломанного золотого зуба специально для Алины справила у знакомого деда-ювелира и на совершеннолетие преподнесла. Вот и весь винтаж. Еще бабуля сережки такие же подарила, но Алина их где-то посеяла. Вечно она все теряет! Наверное, и кольцо сама куда-нибудь засунула. Идиотизм устраивать такой спектакль, чтобы украсть из ее квартиры дешевое кольцо с бирюзой. Наверное, это у нее воображение разыгралось.

Алина еще раз прошлась по квартире, внимательно ко всему приглядываясь. Вроде все как прежде, но ощущение, что кто-то здесь побывал, не оставляло. Подтверждение она нашла на кухне: табуретки стояли неровно и ящик, где она обычно хранила техпаспорта на бытовую технику, магазинные чеки, счета за квартиру, записные книжки и прочую ерунду, был задвинут не до конца. А она всегда все закрывала плотно – привычка, чтобы пыль не собиралась. Алина дрожащей рукой выдвинула ящик: документы лежали на месте, но неровно. Из глаз потекли слезы, закапали на старые квитанции за телефон. Что понадобилось в этом ящике вору?! Зачем он сидел на ее табуретках? Что ему от нее надо?

Сколько детективов Алина перечитала, и во многих был похожий сюжет: неизвестные влезали в дом к героине – какой-нибудь серой мышке-библиотекарше, у которой брат нечего. Искали что-то непонятное, а потом оказывалось – героиня-то не хухры-мухры, а наследница миллионного состояния или обладательница старинного артефакта. Наличие артефакта отпадало: ремонт Алина своими руками делала, все стены и полы простукивала на предмет полых поверхностей. Может, она миллионерша? Во Франции у нее какой-нибудь добрый двоюродный дядюшка скопытился и завещание на нее написал? Преступники об этом узнали и уперли у нее паспорта, чтобы слетать в Париж и вступить в права наследства. А бабкино кольцо уперли, чтобы подтвердить родство? Логика, конечно, в этом прослеживалась, вот только богатых дядюшек и тетюшек у Алины за границей не было: институтский друг занимался составлением генеалогических древ и ей сделал, так что она все проверяла. И про папаню справки наводила – спился и на кладбище лежит.

Алина вернулась в комнату и села за компьютер. Человек, который залез к ней в квартиру, знал, что она в аэропорт поедет. Или сам ее туда отправил, точнее, не туда, а совсем в

другое место, неважно, факт остается фактом. Про аллергию мошенник тоже знал и про то, что она в отпуске и безвылазно дома сидит. И ее любовь к Парижу секретом не была: Алина постоянно о своей мечте говорила. Значит, надо искать среди своих...

Она машинально щелкнула клавишей мыши, вышла в Интернет и набрала в поисковике имя своего нового знакомого.

– Ничего себе, – изумилась она.

Ссылка на Матвея Залесского выпало немного, но сразу было понятно, что человек он непростой. Успешный бизнесмен, глава российского представительства крупной европейской фармацевтической компании, не женат... Последний открывшийся факт Алину особенно порадовал, но она себя тут же одернула. Нашла чему радоваться, в любом случае ей этот мужик не светит.

Светит не светит, а завтра он к ней приедет, если не обманет, и сувениры привезет. Как же она не подумала о деньгах! Вдруг он купит какие-нибудь эксклюзивные в дорогом магазине. Кошмар! Чем она расплачиваться будет? Натурой? Она, конечно, не против, только вряд ли такой мужчина польстится на ее прелести. Ладно, как-нибудь выкрутится. Кредит в банке, в конце концов, возьмет. Стаж у нее приличный, доход стабильный, только документы уперли... Ну ничего, займет денег, хотя ненавидит в долг брать, и Залесскому отдаст. Подождет пару дней, не барин, никто ведь его не просил дорогие сувениры во Франции покупать.

Алина набрала в поисковике «Париж», чтобы хотя бы виртуально в нем побывать, но первая же ссылка вернула ее в реальность: в новостях сообщали о заказном убийстве русского бизнесмена, проживающего во Франции. По спине пробежал холодок. Господи, а если документами воспользовались, чтобы кого-нибудь убить? Киллерша какая-нибудь выехала по ее паспорту во Францию, хлопнула клиента и смылась. Действительно, кого из спецслужб может насторожить заурядная бухгалтерша, работающая в конторе по разведению опарышей!

Голова закружилась, Алина часто задышала и ухватила за столешницу, чтобы не рухнуть на пол. Боже, никто ведь не знает, что она никуда не ездила! Даже мать родная не знает. Только Матвей Залесский, его водитель и девушка из ВИП-зала. Они – единственная ее надежда. Надо дождаться Залесского и отправиться с ним в прокуратуру. Господи, хоть бы он приехал! Не похож он на человека, который обманывает. Одной в прокуратуру идти нельзя. Кто ей поверит, что она по доброй воле отдала документы первому встречному? Менты только рады будут, что подозреваемая сама в гости пришла. Посадят за убийство и глазом не моргнут. Надо дождаться Матвея Залесского, надо дождаться...

Алина снова щелкнула по ссылке на статью об убийстве русского бизнесмена во Франции и только сейчас обратила внимание на дату: бизнесмена грохнули в четверг. «Господи, какое счастье!» – с облегчением подумала она и тут же перекрестилась, ругая себя за крамольные мысли. Человека убили, а она радуется. Впрочем, радоваться было чему: в четверг у нее в гостях была мама, она звонила Ирке на работу с домашнего телефона, к ней заходили соседки, и с утра в пятницу у лифта они тоже ее видели. Значит, если вдруг ее вздумают обвинить в убийстве русского бизнесмена во Франции, будут все шансы доказать свою непричастность. На душе стало легче, но ненадолго. Алина нашла в поисковике французские информационные сайты и просмотрела криминальную хронику за последние два дня.

– Мама дорогая! – воскликнула она, читая сводки.

В спокойной Европе люди тоже мерли пачками: кто-то попал под машину, кто-то упал под поезд, кого-то зарезали. Алина выключила компьютер и всплакнула – думать о том, что она может иметь отношение, пусть косвенное, к смерти этих людей, было невыносимо.

Ливень за окном кончился, лишь редкие капли дождя стучали по стеклу, и с крыши капало на подоконники. Светало, в комнату вползал серый рассвет. На душе тоже было серо

и беспросветно, руки дрожали, и сердце в груди билось, как испуганная птичка. Пришлось хлопнуть рюмку валерьянки. Минут через двадцать полегчало, и Алина не заметила, как задремала за столом.

Телефон пищал, распухнув от непринятых эсэмэсок. Алина потерла глаза и посмотрела на дисплей – десять вечера. Хорошо она вздремнула, валерьянка подействовала на нее, как снотворное. Залесский не позвонил и не приехал. Эсэмэсок от него тоже не было, это мама беспокоилась. Пора было возвращаться из Парижа.

Алина успокоила по телефону маму, сообщила, что долетела отлично, но очень устала и расскажет обо всем завтра. От Ирки тоже пришло короткое сообщение о том, что в пятницу шефа забрали в больницу с сердечным приступом, поэтому можно к девяти не приходить. Добрая Ира была в своем репертуаре. Что-то Ширяева кража пробирки не на шутку подкосила. Может, Антон Петрович на самом деле наконец-то изобрел эликсир бессмертия? Несладко тогда фармацевтической промышленности придется, разорятся все. Повезет лишь тем, кто первым запатентует чудо-средство... Холодный пот на лбу выступил прежде, чем Алина успела осознать, до чего она додумалась. Матвей Залесский, глава российского представительства крупной европейской фармацевтической компании, успешный бизнесмен. Никакой киллерши не было – кто-то из ее конторы узнал, что у Антона Петровича все получилось, вышел на Залесского и вместе с ним вывез по Алининым документам эликсир в другую страну. Этот человек – женщина. Конечно, как же она сразу не догадалась! Ведь именно Залесский посоветовал Алине никому не говорить, что поездка в Париж сорвалась. И сувениры... С какой это радости успешный бизнесмен, занятой человек, станет предлагать незнакомой девушке притаранить ей из Ниццы сувениры? С какой радости он станет возиться с ней, как с дитем малым, десертами угощать и утешать?

В дверь позвонили, Алина от неожиданности вскочила и уронила табуретку. Грохот раздался такой, что изображать из себя ветошь было глупо. Она осторожно подняла табуретку с пола и, ругая себя последними словами, поплелась открывать дверь. В душе была робкая надежда, что, возможно, это мамуля нагрязнула или любопытные соседки. Надежды не оправдались, на лестничной клетке топтался Залесский с двумя объемными пластиковыми пакетами. Убить он ее вряд ли убьет, им она живая нужна.

Алина нацепила на лицо улыбку и распахнула дверь.

– Извините, что так поздно и без звонка, – улыбнулся в ответ Матвей. – Французские диспетчеры в очередной раз бастуют, все утренние рейсы отменили, пришлось в аэропорту до вечера торчать. Я хотел из Ниццы позвонить, но Вовка бумажку с вашими координатами потерял. Пришлось... У вас имя запоминающееся – Алина Метель. Вот, как обещал. – Он протянул ей пакеты.

– Спасибо! Проходите, я сейчас вам деньги отдам, – защебетала Алина. – А пакеты на пол, пожалуйста, поставьте. – Она кивнула в дальний угол прихожей, ненавязчиво покачивая табуреткой.

– Деньги? А, ну да, – кивнул Залесский, почему-то смутился, с удивлением поглядывая на предмет мебели в руках Алины, и прошел в прихожую. – Знаете, я пока в аэропорту торчал, кое-что проверил через своих знакомых. Все на самом деле очень банально. А почему у вас свет не горит? – неожиданно сменил он тему.

– Лампочка перегорела, – сообщила Алина.

– Ясно! А я смотрю у вас табуретка. Вы лампочку пытались вкрутить? – радостно предположил Матвей и нагнулся, чтобы поставить пакеты на пол.

– Что-то типа того, – ответила она и треснула Залесского табуреткой по затылку. Матвей крикнул и ничком рухнул на пол. Алина захлопнула дверь ногой, включила свет, с трудом перевалила Залесского на спину и растегнула ремень на его брюках, – она видела в фильмах, что преступников связывают именно ремнем. Матвей вдруг застонал и открыл глаза.

– Вы что делаете? – поинтересовался он. Алина схватила табуретку, треснула Залесского еще раз, по лбу, и он снова отключился.

Вытащить ремень из его брюк никак не получалось. Матвей застонал и опять зашевелился. Алина оставила ремень в покое и бросилась на кухню. Порывшись в шкафах, нашла рулон клейкой ленты для окон, обмотала Залесскому руки, потом ноги, немного подумала и заклеила ему рот. Он очнулся и выпучил глаза, пытаясь что-то сказать.

– Я все про вас знаю! Все! – выпалила Алина и выдала свою версию событий.

Судя по тому, как таращил глаза Залесский, она попала в точку.

– Короче, завтра я вычислю твою помощницу и сдам вашу шайку в прокуратуру. Ясно тебе? Лежи смирно, иначе табуреткой еще раз по лбу дам, – пригрозила Алина.

Угроза подействовала, Залесский затих, но смотрел на нее так грустно, что Алине даже жалко его чуть-чуть стало. Понятное дело, кому хочется в тюрьму. Ей, например, совсем не хочется.

До утра она шаталась по квартире, как привидение. Залесский лежал тихо, глядя в потолок. Время приближалось к восьми, пора было ехать на работу. Алина привела себя в порядок и задумалась – оставлять преступника одного в квартире опасно, вдруг сбежит. Соседок позвать? Они скончаются на пороге. Мама с ума сойдет. Ирку тоже привлекать нельзя: начнет кудахтать и план по вычислению врага в тылу рухнет. Саму Ирку Алина не подозревала – у той язык такой болтливый, что если бы она подобную аферу провернула, то не удержалась бы и сама Алине обо всем рассказала. Остальные девицы оставались под вопросом.

Выходит, на помощь она может позвать только Лизу. К подружке-разлучнице обращаться было неприятно. С другой стороны, Лизка оказала ей поистине неоценимую услугу – избавила от тьюфяка Павлуши. Сама бы Алина выгнать его не решилась, так и жила бы, ожидая у моря погоды. Все, что ни делается, все к лучшему, оптимистично подумала она и набрала знакомый номер. По Лизке она к тому же успела соскучиться, с института ведь дружили. Лизка у нее даже какое-то время жила – у Алины, единственной из группы, была отдельная квартира. И деньги водились: мама тогда еще на пенсию не вышла, работала и помогала. Подкидывала немного, но им вдвоем хватало и на еду, и на киношки.

Лизка звонка явно не ожидала. Вдаваться в подробности и пугать подругу раньше времени Алина не стала, наврала, что купила новую стиральную машину, которую обещались привезти в течение дня, но ее срочно вызывают на работу, а покараулить некому. Лиза долго бухтела, что ей тоже надо на работу, но в итоге согласилась.

Залесский замычал и заелозил по полу, пытаясь развязаться. В туалет, наверное, хочет, смущенно подумала Алина. Но как она его туда отведет, придется же не только ноги, но и руки развязать!

В дверь позвонили. Лиза точно не могла так быстро добраться. Алина на цыпочках подкралась и посмотрела в глазок. Одна из сестер-бабулек держала в руках газеты и белый конверт.

– Аalinka, на работу проспипшь! – проскрипела соседка. Уходить она явно не собиралась, пришлось приоткрыть дверь, накинув собачку, чтобы старушенция не прорвалась внутрь.

– Я не одета, баба Валя, – соврала Алина. – И на работу опаздываю.

– Письмо тебе! Почтальон перепутал и в наш ящик кинул, – сообщила баба Валя и просунула в щель конверт.

Алина поблагодарила старушку, захлопнула дверь и повертела конверт в руках: письмо пришло от банка «Русский резерв». Алина вскрыла его, достала сложенный вдвое листок и прочитала текст. Потом перечитала еще раз, не понимая смысла написанного.

Начальник отдела кредитования благодарил Алину за то, что она воспользовалась их услугами, и желал приятного дальнейшего сотрудничества. К письму прилагалась счет-

выписка о погашении кредита, с процентами и суммами выплат по месяцам. Сумма тоже была обозначена – триста пятьдесят тысяч рублей!

Алина беспомощно повертела выписку в руках и бросилась на кухню. Рванув на себя ящик, где лежали документы, она вышвырнула все на пол – на дне лежали ее заграничный и российский паспорта. Трясущейся рукой Алина взяла загранпаспорт и открыла: кроме болгарской, там больше не стояло никаких виз. Естественно, для получения кредита в банке они и не нужны, достаточно двух документов, копии трудовой книжки, анкеты и справки о доходах.

На столе заорал дурником мобильный. Звонила Ирка.

– Алин, ты не представляешь! – затрещала она в трубку. – Воров никаких не было. Уборщица во всем созналась. Мариванна колбу случайно грохнула, когда убиралась. Испугалась, тщательно все помыла и осколки выкинула. Алина, я в полном ауте, у нее руки стали как у молодой, гладенькие и беленькие. Она с перепуга без перчаток эту лабудень убирала. Представь, если на морду лица намазать? Правда, все опарыши и мухи в лаборатории почему-то подошли. Не знаю, что изобрел наш гениальный шеф, но я уже хочу это универсальное средство...

Алина отключила телефон и громко расхохоталась, скрючившись и держась за живот. Она смеялась и не могла успокоиться, слезы градом катились из ее глаз. Освободить Залесского долго не получалось – клейкой ленты она не пожалела, удалось справиться только с помощью ножниц. На ножницы в ее трясущихся от хохота руках Матвей смотрел с ужасом, как на орудие убийства. Клейкую ленту от лица он отлепил сам, но, к удивлению Алины, ничего не сказал, поднялся и ушел на кухню, пить водичку, судя по звукам. Она осталась сидеть на табуретке в прихожей.

Лиза вошла в квартиру, открыв дверь своим ключом.

– Привет, – улыбнулась Алина.

– Привет, ты чего здесь сидишь? – немного растерялась Лиза. – Ого, ты сменила имидж? Совсем другая стала.

– А ты совсем не изменилась. Кстати, тебе к лицу кольцо и сережки моей бабушки, – сказала Алина.

Лиза непроизвольно дернулась и потянулась рукой к уху, вспомнила, что в них никаких сережек нет, и усмехнулась.

– Как ты догадалась?

– Тебя сгубила жадность, дорогая подружка. Мало было повесить на меня огромную сумму кредита, ты не побрезговала еще и дешевое колечко прихватить. Ну да, сережки без кольца некомплект. А сережки ты украла, когда жила у меня. Я только одного не могу понять: каким образом ты перевоплотилась в меня, чтобы кредит по чужим документам получить?

– Павлуша прекрасно с этой задачей справился, вы ведь с ним похожи – паричок, макияж, бабский костюмчик, и он стал полной твоей копией. Не совсем, конечно, полной, но у нас на паспорт так снимают, что узнать человека невозможно. Вот и прокатило. Кстати, это Павлуша тебе звонил, через Инет и модификатор голоса. Здорово мы тебя развели? Я по-честному хлопала.

– А курьер?

– Курьер обычный, Пашкин с работы, корреспонденцию разносит. Что ему сказали, то он и сделал. Полный даун. Спасибо, что подписала заявку на кредит. И за справку с работы, пришлось, правда, там сумму о твоих доходах малость подправить. Ты получаешь неприлично мало, дорогая. Я давно тебе советовала сменить место работы.

– Да, я помню! Ты даже сама пыталась меня пристроить и попросила заверенную копию трудовой книжки, дескать, работодатели очень серьезные. Теперь ясно, почему ты

Пашу увела. А я все думаю, за каким хреном он тебе сдался? Зарабатывает мало, как любовник никуда не годится, зануда. Вот, оказывается, для чего – чтобы меня ободрать до нитки!

– Да ладно из себя сироту казанскую строить, – зло сказала Лиза. – Тебе все с детства на блюдечке с голубой каемочкой приносили, никогда по жизни напрягаться не приходилось. Квартирка своя – не надо хребет ломать, мамка под боком – харчи таскает, денег подкидывает, в попу целует. Даже работу ты можешь себе позволить любую, не пыльную, как ты говоришь. А я одна, мне никто не помогал, всю жизнь, как папа Карло, горбатилась, чтобы за жилье заплатить. Я устала, хочу для себя пожить, а не могу: кредит ипотечный все сжирает, осталось погасить совсем чуть-чуть.

– Триста пятьдесят тысяч рублей, – уточнила она.

– Это так мало, Алина. Не переживай, расплатишься с кредитом и снова станешь свободной. Правда, работку придется подыскать другую. Если что, обращайся, как лучшей подруге организую, у меня знакомых много. Ты, главное, не рыпайся, мы все сделали так, что комар носа не подточит: на справке о доходах, которую мы подделали, твои отпечатки, доказать ты ничего не сможешь. А если об этом узнают в банке, то придут добрые мальчики из службы безопасности и открутят тебе голову. Ну ладно, рада была с тобой повидаться, но мне пора, – улыбнулась Лиза.

– Счастливо, – помахала ручкой Алина и широко улыбнулась.

Лиза, на мгновение растерявшись от такой реакции, открыла дверь и попятилась назад – на пороге стояли несколько человек.

– Вы кто? – спросила девушка.

– Мы добрые мальчики из службы безопасности банка «Русский резерв», – без улыбки представились мужчины и взяли Лизу под локотки.

В прихожую вышел Залесский, сунул сотовый в карман и присел рядом с Алиной на пол.

– Я позвонил им, как только ты меня развязала.

– Ты еще вчера все выяснил, да? Про кредит? – спросила она.

– Да, но ты не дала мне возможности сказать, – нервно рассмеялся Матвей, потер шишку на лбу, потом на затылке и добавил: – У меня в этом банке друг работает. Президентом, – уточнил он. – Как-нибудь я тебя с ним познакомлю.

– Что тебе от меня надо? – спросила Алина.

– Ничего особенного. Я хочу на каждый уик-энд летать с тобой в Париж.

Анна Данилова

Отель с привидениями

1

Июль 2008 года

Титреенгёль, Турция

– Послушай, никто же ничего не узнает... Оставим Сережу воспитателю, а сами – в турецкую баню... Там мальчик работает, турок, разумеется... Он тебя так будет ублажать, так ублажать...

– Маша, мне не надо, чтобы какой-то там мальчик-турок ублажал меня...

– Да он же тебя мыть будет, дурочка, а ты что подумала? Катя, не упускай такой шанс... Пока Миша твой делает вид, что отправился на яхте ловить тунца... Ты вообще представляешь себе, какого размера бывает тунец? Как кит! Это же так – рекламный трюк...

– Честно говоря, мне все равно, кого он ловит: тунца или скумбрию... Я приехала сюда лениться, понимаешь? Есть, плавать и спать, спать...

– Ба, да у тебя, красавица, глаза закрываются... Еще же только утро! Ой, смотри, какие кошки турецкие, тощие... Их что, не кормят, что ли?

Катя, ее подруга Маша и малыш Сережа сидели за столиком на зеленой веранде огромного ресторана турецкого отеля неподалеку от городка Титреенгёль, завтракали. Прохладный воздух, льющийся из холла отеля, делал пребывание в этом ресторане на открытом воздухе приятным, даже не хотелось выходить на залитую солнцем террасу... Хотя оттуда до моря – рукой подать... А там – по горло в зеленой воде, в прохладе, в соленой упругой благодати...

– Сережа, хочешь яичко? Всмятку? – Катя, светловолосая худенькая молодая женщина в розовом купальнике и белой накидке положила на тарелочку перед сыном яйцо. – Или колбаску? Хочешь, я тебе хлеб маслом намажу? Или джемом?

Сережа, ее трехлетний сын, мальчик с русыми мягкими локонами, в белых шортах и красной кепке, рассеянно смотрел по сторонам, словно до сих пор не мог привыкнуть к тому, что его окружают не привычные предметы его детской комнаты в Москве, а какие-то волшебные, сказочные турецкие кошки, лазающие по лианам и толстым виноградным лозам, оплетающим веранду, роскошные павлины, расхаживающие по дорожкам отеля, и что здесь мама не запрещает ему есть в огромном количестве сладкое... И все это по вкусу сильно отличается от привычной московской пищи. Одних тортов вчера, к примеру, на ужин подали столько, что он чуть не лопнул, пока многое не перепробовал...

– Ты думаешь, что он действительно ловит тунца? – не унималась Маша.

– А что? – Катя подняла с носа солнцезащитные очки и укрепила их надо лбом. – Что еще можно ловить в море? Ну не тунца, так рыбу какую другую... Какая разница?!

– Думаю, что они с моим где-нибудь в ресторане сидят и потягивают пиво... Ну не верю я, что они в такую жару ловят рыбу...

– Я тоже думаю, что они взяли экскурсию на яхту, но на самом деле не для того, чтобы что-то там ловить... – Кате даже говорить было лень. – А для того, чтобы спокойно, по-мужски отдохнуть, расслабиться... выпить, подышать свежим морским воздухом... Что в этом плохого?

– Ничего! – Маша, коротко стриженная шатенка с большими карими глазами, подмигнула Кате. – Предлагаю – пошли в турецкую баню... на тебя там выльют из специального мешка густую пену, и этот мальчик примется мыть тебя, делать массаж... Тебе понравится!

– Мне придется раздеться догола? – начала просыпаться Катя. – Или как?

– Это уж как получится... Сначала все вроде бы в купальниках лежат, стесняются, а когда он принимается за дело – про всякий стыд забывают...

– И ты тоже забыла?

– Забыла... Но он меня только помыл, понимаешь? Я же не согласилась на массаж, который он мне предлагал... А другие женщины, особенно немки, они постоянно к нему на массаж шастают... Отдохни, расслабься... Получи от всего этого удовольствие... Один раз живем!

– Я подумаю...

– Думай-думай, только к нему в очередь выстраиваются... Один сеанс десять долларов, кажется...

Катя намазала хлеб маслом и протянула Сереже.

– Утро, а я уже устала... Может, обратно в номер вернуться? Там так прохладно...

– Да ты с ума сошла?

Завтрак подходил к концу, в ресторане оставалось всего несколько человек, которые после сытной еды потягивали чай или кофе. Вышколенные официанты, проворные и улыбчивые, в белых курточках, то и дело проносились мимо, оставляя после себя душистый запах дешевого геля для волос – почти у каждого волосы были напояжены и уложены... Катя задумчиво нарезала на ломтики розовый сочный ломоть арбуза... Она и сама не знала, чего хотела. В своем муже, Михаиле, она была уверена, а потому нисколько не лукавила, когда говорила Маше, что ей все равно, ловит ли он рыбу или отдыхает в компании своего друга, мужа Маши, Валентина, на прогулочной яхте, смакуя белую анисовую водку или холодное пиво... Жизнь здесь, в этом раю, словно остановилась. И она была счастлива тем, что ей не нужно никуда бежать, спешить и что каждое движение, каждое мероприятие – будь то поход на море, завтраки, обеды или ужины, экскурсии – доставляли ей удовольствие. Не было совершенно ничего, что омрачало бы радость или напрягало ее. Даже Сережа вел себя здесь на редкость спокойно, повсюду, без капризов, следовал за матерью, хорошо ел, крепко спал и был, как ей казалось, совершенно счастлив своим непритязательным детским счастьем.

– Ладно, давай найдем этих воспитателей... Уговорила ты меня пойти в баню... Что-то на море не хочется пока, лень... И в номер тоже не хочется... И на экскурсию... И вообще, Машка, не надо было мне так много макарон и сыра есть...

Мимо нее быстрым шагом прошла худенькая девушка с длинными черными волосами и в белом открытом купальнике – почти голая, стройная, с идеальной фигурой... Потом остановилась, резко повернулась и стала осматривать ресторан. Она явно кого-то искала...

– Послушай, мне всего двадцать пять лет, но у меня никогда не было таких быстрых и порывистых движений... – сказала, растягивая слова, Катя.

– Пойдем-пойдем... Там, внизу, в бане, наша русская девушка работает... Я договорюсь с ней, и она нас без очереди пустит... Главное для нас сейчас – это пристроить Сережу...

– Ну куда ты делся? По всему отелю тебя ищу... – услышала Катя над самым ухом голос той самой девушки, которая стояла теперь спиной к ней и обращалась к кому-то, кого Катя еще не успела увидеть. А когда увидела, то почувствовала, что не может сдвинуться с места... И сказать ничего не может... Она смотрела на приближающегося к их столику мужчину лет тридцати пяти, в белых спортивных трусах и голубой майке. Загорелый, красивый, с аккуратной стрижкой и холодным взглядом. Он подошел к девушке, обладательнице великолепной, ну просто идеальной фигуры, и посмотрел на нее несколько озабоченно:

– Оля, что опять? Я был около бассейна, полотенца наши искал... Мы же вчера забыли, ты не помнишь?

– А... – нервничала отчего-то девушка. – Ну и как? Нашел?

Она говорила таким скандальным тоном, как разговаривают уверенные в измене мужа жены: истерично, с недоверием... Она даже не говорила, а шипела.

Катя отвернулась. Откуда-то взялись и энергия, и желание быстро двигаться, даже бежать, причем бежать сломя голову, подальше от этого ресторана, от отеля...

– Ты веришь в призраков? – зачем-то спросила Катя спустя четверть часа, когда они с Машей, уже без Сережи, спускались по голубой мозаичной лестнице вниз, под отель, туда, где были расположены знаменитые турецкие бани. Слабо пахло шампунем, мылом и чем-то неуловимым, пряным...

– Мы полотенца забыли, вот черт... Хочешь, я сбегаю?

– Сбегай...

Маша убежала, Катя спускалась все ниже и ниже, пока не толкнула перед собой дверь и не оказалась в просторном чистом, выложенном теперь уже бирюзовой мозаикой холле. За конторкой сидела ну просто русская красавица – румяная, славянского типа деваха с косой через плечо, в белом халатике.

– Где тут у вас можно помыться? – Катя постаралась придать своему лицу беспечное выражение. – Какая-то пена, массаж... Словом, все тридцать три удовольствия...

Девушка улыбнулась.

– Меня зовут Даша. Проходите... Сейчас Карани освободится...

– Карани – это у нас кто?

– Мальчик один, он сделает вам пилинг, массаж, словом, все, что вы пожелаете... У вас есть полотенце?

– Сейчас принесут...

Она села в кресло под пальмой и закрыла глаза. Нет, этого не может быть... Прошло так много лет... Она все забыла, все... или ничего?

«Мы же его закопали, господи, закопали... В лесу...»

2

Сентябрь 2003 года

Москва

В памяти осталась не картинка, а ее дикий вопль, крик и те ощущения, которые она никогда не забудет, – полного бессилия и унижения... Она так кричала, так кричала, что, казалось, разодрала себе горло... И руками била его по голове, по плечам, чем придется, что попадалось под руку, царапала его кожу, мяла, рвала ногтями его уши, щеки, когда он поднимал голову... Придавив коленом ее бедро, он легко, как только мог сильный, здоровый мужчина, овладел ею, и ничто – ни ее сопротивление, ни страшные крики, ни слезы, ни мольбы – не смогло его остановить... Он двигался в ней, как будто она принадлежала ему, как будто бы он имел на это право, и единственным ее желанием было сомкнуть бедра и сбросить с себя этого тяжелого и сильного мужчину... В момент предельных судорог он обмяк и лежал на ней некоторое время, словно приходя в себя после всего того, что он натворил...

– Гад, сволочь... – сипела она под ним, давясь слезами. – Как же ты мог? Как мог? Ведь ты – самый лучший друг Миши... неужели вы, мужики, такие скоты, – рыдала она уже в голос, закатываясь, – что не можете остановиться, не можете владеть собой, – грязные животные!!!

День, сухой, солнечный, сентябрьский, хорошо начинался. Катя пекла пирог – они с Мишей готовились к семейному празднику – годовщине свадьбы. Событие, касающееся их двоих. Год совместной жизни означал для Кати многое. Во-первых, она обрела статус замужней женщины, о чем всегда мечтала. Во-вторых, ее муж Миша Андриянов, с которым они прожили год, не обманул ее ожиданий. Он оказался любящим, заботливым, порядочным и очень спокойным. Он ни разу за все время их совместной жизни не повысил на нее голос, не сказал ничего обидного и, тем более, оскорбительного. С ним всегда можно было договориться. К тому же он не был жадным, чего так боялась мама Кати. Словом, Кате повезло с мужем. Что касается любви, то в этом она еще не разобралась. Что такое любовь? Когда ждешь мужа с работы, волнуешься, прислушиваешься к шагам на лестнице, а когда муж приходит, ты радуешься, ты успокаиваешься, потому что он рядом. Когда ты сидишь напротив него, кормишь его ужином, и чувствуешь себя счастливой, и тебя переполняет радость просто от сознания, что он есть и что вы вместе. Когда ты ловишь его взгляды, прикосновения, когда тело твое откликается на его ласку и нежные слова, когда вы вместе, одно целое... Когда ты чувствуешь, что он тебе по-настоящему близок. Миша... С ним все было не так. И, поджидая его с работы, она почему-то всегда нервничала...

Андриянов был старше Кати на целую жизнь, то есть на двадцать лет, которые он прожил в браке с другой женщиной и с которой расстался, судя по всему, раз и навсегда... Даже дочь его после развода родителей отдалась от отца, равно как и он от нее. И для него на первом плане всегда теперь была только Катя. Чувствовалось, что он уже пожил, что многое в своей жизни успел, однако теперь все приходилось начинать заново. Покупка квартиры, обустройство, налаживание отношений с новой женой... В нем, как и в каждом, имевшем за плечами брак мужчине чувствовалась некая усталость, и эта усталость выдавала его возраст, вернее, разницу в возрасте... Он не так радовался переменам в жизни, как Катя. К тому же он был очень занятой человек. Миша был адвокатом и никогда, по сути, не принадлежал ни себе, ни Кате: его одолевали постоянные телефонные звонки, и если он не был в своем офисе, суде, тюрьме или на встрече с клиентами, то все равно дома часами просиживал за компьютером, копался в книгах по юриспруденции и всегда хотел спать. Интимную сторону

их супружества Катя воспринимала, к своему сожалению, исключительно как гигиенические процедуры – не больше (да и Миша часто повторял, что *это* полезно для здоровья). Ничего такого, о чем не искушенная в любви Катя слышала от подруг или читала в книгах, она не испытывала, а потому терпела близость с мужем, стиснув зубы и считая: раз, два, три... К тому же, несмотря на то что они прожили с Михаилом уже год, она так и не перестала стыдиться его и стесняться, в отличие от самого Миши, для которого в близости с женой не существовало никаких запретов, комплексов – он всегда получал то, что хотел...

Познакомились они в компании общих друзей, долгое время просто гуляли, разговаривая ни о чем и одновременно обо всем на свете. Оба были до знакомства друг с другом одиноки, несчастны, а потому, решив для себя, что они вполне подходят друг другу, не тянули со свадьбой. Все происходило стремительно и, как считала Катя, правильно. Пышная свадьба, медовый месяц в Испании, покупка новой квартиры, ремонт, отпуск в Египте... Катя нигде не работала, сидела дома, занималась домашним хозяйством, позволяла себе самые невинные развлечения: телевизор, компьютер (редкие и ничем не заканчивающиеся попытки познакомиться с кем-то виртуальным, раскованным, опасным...), встречи с подругами, хождение по магазинам... Все как у всех. И все же она считала свой брак счастливым, а мужа – любящим и очень надежным. Кроме того, она полагала, что их отношения с мужем (в отличие от того, что происходило в семьях подруг, где супруги изменяли друг другу, предавали и вели двойную, а то и тройную жизнь) очень чистые, доверительные, а потому старалась никогда не давать мужу повода для ревности, не травмировала его, не обижала, словом, была к нему предельно внимательна и нежна.

Ваня Брагин был другом Михаила, бывшим клиентом (это был как раз тот случай, когда тесные деловые отношения переходят в настоящую, крепкую дружбу). Помоложе, познергичнее и вообще другой. Видно было, что у него еще вся жизнь впереди: и рост карьеры, и женитьба, и дети... Ему было тридцать лет, он был холост, владел небольшой мебельной фабрикой и все свободное время проводил у Андрияновых. Когда у него появлялась новая девушка, он непременно приводил ее к ним домой – показывать Кате. Он говорил, что женится только на той, которая, по мнению Кати, ему подойдет. Но так случилось, что ни одна девушка, которую Ваня приводил, ей не нравилась. У одной были слишком редкие волосы, и Катю это насторожило: а не больна ли она? Все ли в порядке у нее со здоровьем? Да и курила она много... Другая любила покомандовать, чувствовала себя даже в квартире Андрияновых, как у себя дома, спокойно, не спросив разрешения, включала компьютер, ложилась на диван, не снимая сапог... Катя едва дождалась, чтобы эта девица ушла. Третья была просто вульгарна, глупа, много пила и заигрывала с Мишей...

– Я хочу найти такую жену, как Катя, – говорил Ваня Мише. – И чтобы красивая, и умная, и хорошо готовила.

Катя, слушая эту милую болтовню, улыбалась, воспринимая это как проявление дружбы, как шутку, наконец.

Они с Мишей привыкли к Ване и воспринимали его как родного. Миша, человек, в сущности, закрытый, недоверчивый (профессия не могла не оставить свой след), в отношении Вани придерживался совершенно других принципов: он открыл ему не только двери своего дома, но и душу, сердце... И им было хорошо втроем, комфортно. Ваню звали на пельмени, на футбольный матч (пицца, ледяное пиво и масса мужского удовольствия!), на борщ или просто так. Звали, когда требовалась помощь – поговорить, что-то подремонтировать, куда-то вместе поехать... И самое главное, Катя никогда не испытывала к нему ничего, кроме дружеских чувств, и радовалась его приходу искренне, как если бы пришел ее брат... Да и Мише никогда не приходило в голову ревновать ее – настолько он был уверен в обоих...

В тот день было все так же, как и всегда. Катя пекла пирог, пришел Ваня, принес шампанское, сказал, что готов помочь ей приготовить салаты... На нем в этот теплый сентябрьский день была голубая рубашка, черные джинсы, видно было, что он только что из парикмахерского салона... Они резали вареные яйца, огурцы, куриные грудки... Ваня открывал банки с майонезом... Они мило болтали, вспоминали старые фильмы...

Катя и вовсе была одета просто: мужская полосатая рубаша, шорты цвета хаки...

Когда стол был накрыт и Миша позвонил и сказал, что немного задержится, Катя решила принять душ... Она не заперлась. Это было ее единственной ошибкой. Когда она уже вышла из душевой кабины и вытиралась, в ванную комнату вошел Ваня. Он был бледный и какой-то не такой, как прежде... Буквально за считанные минуты с ним что-то произошло... Но что? Она не давала ему повода, не давала!!!

Он сказал, что любит ее, что любит давно, что не может без нее и что не в силах совладать со своими чувствами. Он набросился на нее, сорвал полотенце, схватил и поднял ее на руки, отнес в спальню и изнасиловал. Он, сильный мужчина, легко справился с растерявшейся женщиной, подмял под себя, придавил одной рукой сразу две ее кисти...

Это было грубо, больно, жестоко... Но самое ужасное заключалось в том, что она с первой и до последней минуты, пока все это длилось, мысленно просила прощения перед Мишей. А ведь она не была ни в чем виновата! Она Ваню не провоцировала, не ходила перед ним в вызывающей одежде... И если уж разобраться, то это сам Миша виноват, что привадил сюда этого насильника...

– Вставай же, мерзавец... Если ты думаешь, что я ничего не расскажу Мише, то ты ошибаешься... Ты... ты втоптал в грязь наши с ним отношения, наш брак... Что ты натворил? Неужели все это нельзя было сделать с какой-нибудь шлюхой? Ты воспользовался нашим гостеприимством, нашим доверием... Я ненавижу тебя... Да уходи же ты!!!

Она столкнула его с себя, отползла, на ходу пытаясь прикрыться скомканной простыней...

Иван продолжал лежать вниз лицом, рядом. Он не двигался... Катя осмотрелась и заметила вокруг себя множество предметов, которыми она наносила удары по Ивану: томик Чехова, вешалка для одежды, ваза толстого стекла, настольная лампа – все то, что лежало, стояло, словом, находилось поблизости от кровати...

– Ива-ан! – Она похлопала его по плечу. – Хватит притворяться... Вставай... Я сейчас позвоню Мише и все ему расскажу... Учти, он хороший адвокат, и мы сделаем все, чтобы тебя посадили... – Она плакала. Ей все еще не верилось, что все то, что она только что испытала, – реальность. Какая же все это глупость! И стыд!!! И она никогда не сможет простить этого Ивану, потому что простить – это означает скрыть от Миши, а это уже предательство... Но как, как он смог это сделать? Что он натворил?! Он и ей жизнь испортил, и себе...

– Животное... – простила она. – Да вставай же ты наконец!!!

Нехорошая, страшная мысль проскользнула опасной змеей...

– Да ты жив ли?

Она склонилась над ним и потрогала его за плечо... И тут ее взгляд упал на вазу... Она взяла ее в руки – так и есть... Кровь...

Она посмотрела на него более внимательно, потрогала спутанные волосы на голове – и на пальцах ее осталась кровь... Она, боясь его перевернуть и увидеть еще более страшное, к примеру, перекошенное болью мертвое лицо, приложила ухом к его шее, спине, чтобы услышать биение сердца... И не услышала.

Я убила его. Ну вот... вот... он сам себя наказал... Что теперь делать? Сейчас приедет Миша... Она ему все объяснит...

Зачем-то побежала в спальню, переоделась. Она должна предупредить Мишу, перехватить его где-нибудь поблизости от дома... Чтобы рассказать ему все и чтобы он решил, как

лучше поступить... Отпечатки пальцев – она оставила их на вазе... И на всех тех предметах, которыми била Ваню... И откуда взялась эта тяжелая хрустальная ваза? Цветы еще вчера она выбросила, вымыла вазу и поставила на полку в изголовье кровати...

Она выбежала из квартиры, села на скамейку возле дома и попыталась привести свои мысли в порядок. Что лучше? Во всем признаться милиции или скрыть это преступление? По небольшому опыту (ведь она все же жила с адвокатом, который занимался подобными делами) она знала, что не всегда справедливость торжествует, что много таких дел, когда невинного человека сажают за решетку... И что же теперь? За что ей такое наказание? Что же это получается, она должна была не сопротивляться насильнику, а спокойно лежать и ждать, когда же он наконец возьмет свое и успокоится? Нет, она все делала правильно, иначе и быть не могло... Миша ее поймет, поймет...

Она дрожащими руками взяла телефон и набрала номер мужа...

– Миша? Ты где?

Он был еще на встрече с клиентом, извинялся и говорил, что примерно через полчаса освободится и придет.

– Миша, где ты встречаешься со своим клиентом?

– В кафе «Лагуна», ты знаешь, недалеко от городского парка...

– Да, я знаю. Пожалуйста, никуда оттуда не уезжай, я сейчас приеду...

– Что-нибудь случилось, Катя?

– Приеду и все объясню...

– Хорошо... Но как-то все это странно...

Ей показалось, что он хочет ей еще что-то сказать, вероятно, расспросить, но она не могла говорить с ним по телефону... Мало ли... Она все расскажет ему при встрече.

Ее машина стояла возле подъезда. Вот только сможет ли она вести машину? Она и так-то чувствует себя за рулем неуверенно, всего боится, редко идет на обгон, словом, ведет себя, как настоящий «чайник». А тут... Руки и ноги дрожат...

Она скинула с себя туфли, села поудобнее за руль, попыталась расслабиться. Да уж, не так-то просто это сделать... А ведь сейчас ей предстоит самое трудное – осторожно, чтобы не задеть рядом стоящие машины, выехать со двора...

Она долго крутилась на одном месте, лавируя между машинами, пока все же не въехала в арку, а оттуда – на одну из центральных городских улиц...

Миша позвонил ей буквально сразу же, как только перед ней показалась кованая ограда городского парка.

– Катя, что случилось? Мой клиент отошел за сигаретами... Я могу сейчас говорить.

– Ничего... Я расскажу тебе при встрече... Пожалуйста, не звони мне, я за рулем и нервничаю...

И она отключила телефон.

3

Июль 2008 года

Титреенгёль, Турция

Карани, так звали этого ловкого и сильного паренька лет двадцати, о котором так много рассказывала Машка, на самом деле располагал к тому, чтобы его не стесняться... Катя, оставшись в купальных трусиках, легла на мраморную арену, окруженную мраморными же чашами с золочеными кранами, и закрыла глаза...

Поначалу Карани надел специальные «кусачие» перчатки, нанес на ладонь душистый скраб и принялся чистить ее кожу... Он плавно двигал шершавой рукой по ее телу, и она словно чувствовала, как он снимает ее омертвевшую, тонкую, как у змеи, кожу... Она старалась не думать ни о чем...

Лежи и получай удовольствие. Тебе все это показалось. Мало ли людей, похожих друг на друга... Это не Ваня, не он, он не мог встать из своей могилы и спокойно так продолжать жить с пробитой головой... Они его похоронили, это факт... Просто ей, разленившейся до безобразия, бог послал новое испытание: воспоминание о том дне, той жуткой ночи... Но она это выдержит. Поработает над собой и выдержит. И даже Мише ничего не расскажет.

– Машка, это ты?

Она услышала какое-то движение совсем близко от себя.

Да, это была Машка, она взяла ее за руку.

– Это я. Не бойся... Обещала же, что не брошу тебя. Не отдам на растерзание бедному Карани... Вот смотри...

Но Катя так и не открыла глаза. Лежа на животе, она только почувствовала, что на нее льют что-то легкое, невесомое, нежное.

Словно кто-то на ее спине играл с газовым шарфом...

Да, права была Машка, это очень приятно... И расслабляет... Она и так-то была расслаблена с самого утра, а теперь совсем словно разлилась, как эта мыльная пена, по мрамору...

– Слушай, – вдруг зашептала ей в самое ухо Машка, – утром... помнишь? Тот кадр, в белых спортивных трусах, ну, мужчина с девушкой... Ты бы видела его глаза... Он просто-таки пожирал тебя глазами, так на тебя смотрел, так смотрел... Эта узбечка или как ее там, которая с ним была, шипит ему что-то, а он смотрит только на тебя... Ну, прямо-таки влюбился... с первого взгляда!

– Сгинь! – Катя, не открывая глаз, шлепнула Машку по руке. – Что ты такое говоришь? Да мало ли кто на кого смотрит? Я вот, к примеру, никогда не обращаю внимания на такие вещи, а ты, Машка, как тот змий-искуситель... Ты что, поспорила с кем, что я здесь, на курорте, пушусь во все тяжкие? Оставь меня в покое... Мне этой турецкой бани хватает... Вот за нее тебе спасибо... И вообще, этот Карани, который стоит в нескольких сантиметрах от меня и тебя, все отлично понимает, что ты сейчас говорила по-русски... У него же почти все клиентки русские... Ведь так, Карани?

Она подняла голову, открыла наконец глаза и встретила с веселым взглядом массажиста-банщика.

– Так, конечно... Все слышу, все понимаю, но считаю, что красивая девушка вроде вас не должна скучать, если ей встретится красивый мужчина, – сказал Карани почти без акцента.

Машка покатила со смеху...

...После бани ослабевшая, но какая-то необыкновенно легкая, Катя вернулась к себе в номер. Машка пошла на пляж, Сережа купался в детском лягушатнике под присмотром воспитательницы, молоденькой турчанки, отлично владевшей русским языком. Миша на прогулочной яхте потягивал анисовую водку...

Так приятно было остаться одной и лениться, глядя в потолок... Вот если бы еще привидения не беспокоили...

И только она об этом подумала, как в дверь сразу же постучали. Она открыла глаза и посмотрела на дверь.

– Миша, это ты?

Она, накинув на себя длинную, по колено, майку, подбежала к двери.

– Это ты?

– Катя, это я, открой...

Но этот голос не принадлежал Мише.

– Вы обознались... уходите... – ее заколотило от страха.

Этого не могло быть?! Где-то на ее темени произошло какое-то движение, не зря же говорят: волосы встали дыбом! Но у нее длинные, тяжелые волосы, они не смогли бы встать дыбом...

– Уходите, иначе я позвоню на рецепшен... Вы слышите меня? Я позову охрану!

– Я знаю, что ты одна... Открой, прошу тебя... Не бойся...

– Все, я звоню...

– Ладно-ладно, я пошел... Жду тебя вечером на крыше отеля, там есть рыбный ресторан.

Она услышала звук удаляющихся шагов. Вернулась и легла на кровать. Закрыла глаза. Это сон. Конечно же, это сон... Потому что не может это быть Иван, восставший из мертвых... Ни одно человеческое существо не могло сорвать с себя, находясь под тяжелой сырой землей, свернутый в рулон ковер... Он был мертв, мертв!!! И они с Мишей закопали его в лесу!

Но кто же тогда приходил сейчас к ее номеру и звал ее по имени?

4

Сентябрь 2003 года

Москва

Она знала это летнее кафе, они часто бывали здесь с Мишей, особенно летом, когда в жару здесь били фонтаны и цвели олеандры. Но и в холодное время года, когда столики перемещались под крышу, там было уютно – тепло, красиво от множества аквариумов и искусственных водопадов. Кроме того, там подавали очень вкусные мидии...

Она поднялась по ступенькам и огляделась. Миши нигде не было. Она позвонила ему.

– Ты где?! – Она задыхалась от возмущения. Как он мог так поступить с ней? Сказать, что будет ждать в кафе, а самого нет. – Миша, ты почему молчишь?

– Хотел перехватить тебя... Сиди и жди меня, хорошо? Понимаешь, я выехал тебе навстречу. Видимо, мы разминулись...

– Ты где?

– Я еду к тебе...

Она ничего не понимала, была совершенно сбита с толку. Куда он поехал? Зачем? Может, какие-то проблемы с клиентом?

Вся эта неразбериха длилась около часа. Катя звонила мужу, но тот, похоже, либо находился далеко от города, где не было сотовой связи, либо просто отключил телефон...

Подождал официант, Катя попросила принести ей немного холодной водки. Подумалось, что после водки ей будет проще выдержать этот стресс...

Когда же спустя минут сорок она увидела машину мужа, ей стало и вовсе нехорошо... Что она ему сейчас скажет? Признается в том, что она убила его лучшего друга? И как он на это отреагирует? Скажет, сама во всем виновата... Нечего было провоцировать молодого мужика... При всей своей мягкости и внешнем добродушии Михаил мог быть (Катя наблюдала, как он общается с клиентами) и жестким, и холодным, и даже агрессивным... У него работа такая.

Но больше всего она боялась, что он выдумает ее и Ивана связь. Скажет, что давно подозревал, что между ними что-то было, да только думал, что ему все это кажется...

Словом, она теперь уже и не знала, рада она его приходу или нет... Но он пришел, и она должна была ему все рассказать и попросить о помощи...

– Извини, милая, у меня возникли некоторые проблемы... Я собирался было уже распрощаться с клиентом, как вдруг он сказал, что у него в кармане диктофон и что все то, о чем мы с ним говорили, а говорили мы с ним о предстоящем суде, понимаешь?...

Она понимала. Знала, что практически все судьи берут взятки, и что ее муж довольно часто передает деньги судьям, и что это подсудное и очень опасное дело... Наличие диктофона грозило для Михаила сроком...

– Да, я понимаю... – Пролетела мысль о том, что беда никогда не ходит одна. – И что, все уладилось?

– Он требует денег за молчание... Сволочь. Как будто бы речь идет не о спасении его брата-убийцы, а о моем собственном спасении... Просто хочет этот негодяй сорвать свой куш, решил воспользоваться ситуацией...

– И чем все закончилось?

– Мы с ним были в банке, мне пришлось раскошелиться, а он вернул мне диктофонную запись...

Она представила себе, как нервничал муж, когда все это происходило, а тут еще она со своими звонками...

– Ну, теперь рассказывай, что у тебя приключилось? На тебе лица нет...

– Думаю, что теперь тебе надо будет защищать меня... – Глаза ее заполнились слезами. – Я убила Ивана...

– Что? Говори потише... – Он склонился к ней, взял ее за руку. – У тебя холодные руки... Повтори, что ты сказала?

– Я убила Ивана. Мы с ним вместе готовили, накрывали на стол... Я пекла пирог. Миша, я его не провоцировала, я была застегнута, что называется, на все пуговицы... Я не знаю, что с ним случилось, он вдруг превратился в какого-то... монстра... Он набросился на меня... Он изнасиловал меня, Миша... Ты можешь сразу бросить меня... Но я ни в чем не виновата. Он физически был сильнее меня, как ты сам понимаешь...

– И как же ты его убила? – Он смотрел на нее недоверчиво, не мигая. Видно было, что он потрясен. Трясущейся рукой он ослабил галстук на шее...

– Я лупила его всем, что было под рукой... рядом с постелью...

– Это было в спальне? – Голос его прозвучал как-то глухо, неестественно.

– Да... Я, ничего не соображая от страха и боли, схватила вазу и ударила ею ему по голове... На вазе – кровь. Я потом брала эту вазу в руки... Там везде отпечатки моих пальцев...

– Ты уверена, что убила его?

– Мне показалось, что он не дышит...

– Поехали... Ты не заплатила? – Он кивнул в сторону официанта.

– Нет. Не успела... Я выпила две рюмки водки, Миша. Но легче мне от этого не стало...

Что делать, Миша?

– Ладно, разберемся, – сказал он жестко. – Но ты... ты ведь не хотела?

– Миша... Прошу тебя, не унижай меня... Если бы я этого, как ты говоришь, хотела, разве стала бы я тебе об этом рассказывать? Или, тем более, бить его... убивать?..

Она не помнила, как они ехали домой. В машине молчали. Она понимала, что Миша сейчас рисует в своем воображении сцену насилия, что он страдает при мысли, что его жену унизили, и еще не уверен в том, что Иван способен на такое, не говоря уже о том, что она убила его, что он мертв... Вероятно, думала она, он на что-то еще надеется... И как муж, и как адвокат.

– Я боюсь туда подниматься... – заскулила она, когда машина въехала во двор. – Пожалуйста, иди сначала один... А вдруг его там уже нет, он встал, потер ушибленную голову и отправился домой?

– И такое тоже может быть... Хорошо, сиди в машине и никуда не уходи...

И он ушел. И его не было целую вечность... Хотя на самом деле прошло не так уж и много времени – ровно столько, сколько потребовалось для того, чтобы сделать то, что он сделал...

Он вернулся, помог ей выйти из машины и сказал, что ей нечего бояться. Что она не одна, что у нее есть муж, который никогда в жизни не бросит ее в трудную минуту, что он ее любит всем сердцем и не представляет, как он вообще жил без нее, и что он верит, что она ни в чем не виновата... Что это он сам, Михаил, виновен в том, что приблизил к своей семье постороннего, в сущности, человека...

Словом, он говорил все то, что она хотела бы от него услышать.

Он взял ее за руку, и они вместе поднялись в квартиру. Она, почти зажмурившись, перешагнула порог спальни, где вместо тупа Ивана увидела свернутый в рулон ковер.

– Он действительно мертв... – сказал Михаил. – И мы могли бы вызвать милицию и все объяснить, но боюсь, что ты не выдержишь этого... Ведь тебя непременно посадят в камеру предварительного заключения. Ты окажешься среди преступников... К тому же будет трудно доказать, что ты избавилась от насильника...

– Миша, я же твоя жена, жена адвоката, я кое-что знаю и понимаю... Следы изнасилования... после всего, что произошло, я не мылась... – Она густо покраснела. – Так что еще не поздно сделать экспертизу, это лучше, чем потом всю жизнь жить в страхе перед разоблачением...

– Я слишком хорошо знаком с этой машиной... правосудия... – презрительно фыркнул Михаил. – Слишком уж много народу она подавила... А так об убийстве будем знать лишь мы – ты и я. Ты же понимаешь, что никто больше об этом никогда не узнает...

– И куда мы его денем?

– Спрячем в надежном месте... Я знаю такие места, куда даже грибники не заходят...

Ночью отвезем труп, вот и все.

– А если нас остановят?

– Скажи, ты помнишь, чтобы меня в последнее время останавливали?

– Нет.

– Тогда почему же сегодня ночью нас непременно остановят?

– Потому что все так и происходит... Случайно... Мне страшно, Миша...

– Скажи, ты любишь меня? – вдруг спросил он. Она была потрясена этим несвоевременным, как ей показалось, вопросом.

– Конечно, ты же знаешь... Почему ты спрашиваешь меня об этом?

– Потому что сегодня к тебе прикоснулся другой мужчина... И мужчина этот, как я и подозревал, был влюблен в тебя... ты не осуждай его... Он просто не мог совладать со своими чувствами, и это не преувеличение... У нас, у мужчин, желание более сильное, чем у женщины... Он потерял контроль над собой. И это неудивительно...

– Что неудивительно?

– То, что он любил тебя... Я видел, какими глазами он на тебя смотрит, как он ждет, когда мы пригласим его в гости... А ты, неужели ты никогда не чувствовала, что он неравнодушен к тебе? Что он желает тебя?

– Нет, не чувствовала... Но если ты знал, почему не объяснился с ним? Почему не запретил появляться у нас? Тем более что ты так хорошо разбираешься в мужчинах и их поступках... Разве не мог ты, взрослый человек, с таким жизненным опытом, предугадать последствия?! Тем более что мы говорим сейчас о твоём лучшем друге...

– Лучший друг... Самый близкий друг... На что он надеялся? Он что же это, думал, что у нас с тобой ничего не получится? Что если я старше тебя, то наш брак временный, некрепкий, который легко разрушить?

Катя вдруг подумала, что Михаил впервые озвучил то, что его, быть может, мучило какое-то время, когда они еще только начинали жить вместе. Он все это осознавал – и разницу в возрасте, и многие-многие другие вещи, на которые Катя старалась не обращать внимания, – и переживал, делая между тем все возможное, чтобы их брак состоялся. В сущности, если разобраться, то единственным белым пятном в их супружестве оставался (для Кати, во всяком случае) вопрос интимных отношений. Тот факт, что она не получала от близости с мужем удовольствия, был для других пар существенным, важным – от этого непонимания, недочувствования распадались многие, известные Кате браки... А она терпела, старалась этого не замечать. Так, может, каким-то непостижимым образом об этом стало известно Ивану? Может, она, сама того не понимая и не осознавая, вела себя так, что это было видно? Нет... Все это глупости. Она не могла не выглядеть счастливой женщиной. Она была счастлива в браке, и точка. И она спокойно все эти годы обходилась без всего того, чем жили другие женщины... Пусть она чего-то недополучала, зато ее брак был надежен, а муж относился к ней с превеликой нежностью и уважением.

– Катя, – Михаил вдруг обнял ее и посмотрел ей в глаза. – Может, ты была несчастлива со мной? Может, я бывал с тобой груб? Или как мужчина я тебя не устраиваю?

– Нет, что ты, Миша... Ну что ты такое говоришь? У нас же с тобой все хорошо...

Он поцеловал ее, погладил по голове, и она испугалась этого жеста... Что будет с ними дальше?

– Свари кофейку, что ли, – неожиданно сказал он и, перешагнув через завернутый в ковер труп, сел в кресло. – Он сам виноват. Во всем виноват сам... Катя, у нас есть перчатки?

– Какие?

– Хирургические... Нам все придется делать в перчатках. А вазу – разобьем... В пыль...

А когда стемнело, они, обвязав труп веревкой, сбросили его из окна (не тащить же по лестнице или спускать на лифте), расположенного со стороны двора, где в этот час никого и никогда не бывает, быстро погрузили в багажник своего «Альфа-Ромео» и поехали за город. У Кати зубы стучали от страха – когда они проезжали мимо постов ГИБДД, она почти теряла сознание, молилась... Однако им повезло, их никто не остановил. Они отъехали километров на пятьдесят от города, свернули куда-то и медленно покатали по узкой дороге в глубь леса...

Остановились, Михаил достал из багажника саперную лопату и принялся копать могилу своему лучшему другу.

Он работал молча. Катя сидела на переднем сиденье и курила – вспомнила молодость... Даже не закашлялась – курила, как заправский курильщик, глубоко затягиваясь... И ей это нравилось, казалось даже, что от этого ей становится легче пережить все то, что сейчас происходило с ней... с ними...

Ковер с телом внутри оказался неподъемным. Или они так обессилели? Еле-еле вытащили! Веревки, которыми был стянут ковер, то и дело цеплялись за багажник. Наконец этот огромный, страшный рулон упал к их ногам.

– Помоги... – сказал Михаил, обливаясь потом.

Катя схватила непослушными руками край ковра и потянула... Они вместе дотащили его до могилы, сбросили туда. Михаил принялся засыпать яму землей.

– Миша, тебе страшно?

– Страшно... Я же нормальный человек. Но и ты пойми, что у нас другого выхода не было... Доказать, что ты оборонялась, может, и нетрудно, да только, говоря же, ты все того не выдержишь... Я же тебя знаю. Одна только процедура экспертизы чего стоит... К тому же все это унижительно – следствие, процесс... Непременно найдутся злые языки, которые будут утверждать, что ты сама спровоцировала его... Ты пойми, для простого обывателя изнасилование – простой половой акт, и ничего больше... И все те, кто знал Ивана, осудят прежде всего тебя... Скажут, что ты сама попросила его приехать, что вертела перед ним, извини, задом... И что он не заслужил того, чтобы его убили только за то, что он переспал с понравившейся ему женщиной...

– А ты... Тебе-то как после всего этого? Ты тоже страдал бы, ведь так? Ну, скажи, что мы с тобой сделали все правильно: я – что убила его (при этих словах ее затошнило), а ты – что помог мне избавиться от трупа...

– По сути, мы с тобой сейчас совершили преступление... Это чтобы ты знала...

– Я знаю... Но я ни в чем не виновата...

– Я верю тебе. Я знаю Ивана... Молодой, горячий мужик... Баб любит... Но я никогда не предполагал, что он поступит так с тобой, со мной... Жаль, что все так получилось...

– Миша... – вдруг опомнилась она. – А что, если кто-то видел, как он входил к нам в квартиру? Он... Он видный, яркий человек... Его могли заметить... К тому же ты не представляешь себе, как я кричала, когда он... когда он напал на меня... Думаю, что соседи все слышали...

– Скажешь, что это телевизор... найди, кстати, фильм, чтобы там была похожая сцена... Я помогу тебе...

Они вернулись домой уставшие, грязные. Катя пустила воду в ванную, насыпала туда соли, сделала пену. Пришел Михаил, они оба забрались в ванну и сидели долго, глядя друг на друга, словно безмолвно договариваясь о том, чтобы сохранить эту тайну. Миша даже взял ее за руки, и она поняла этот его жест – он означал, что они теперь всегда будут вместе, что он никогда не предаст ее, не выдаст, что он будет любить и заботиться о ней всю жизнь... Она плакала, и слезы капали в зеленоватую, с островками пены, воду...

5 Июль 2008 года Титреенгёль, Турция

Михаил вернулся вечером, уставший, от него пахло анисовой водкой.

– У тебя виноватый вид, – заметила Катя за ужином. Маша со своим мужем Валентином, худощавым блондином с веселыми плутовскими глазами, сидели напротив них. Сбоку, возле стены сидел утомленный жарой и водой Сережа. Щечки его и нос были подрумянены солнцем. Видно было, что он хочет спать.

– Будешь тут виноватый, – вздохнул Михаил. – Целый день пили на яхте... И ведь не сказать, что я пьяница, но как-то хорошо пошло...

– Это в жару-то?! – удивилась Маша. – А может, вы высадились где-нибудь на берег... Где нет жары, где сплошные кондиционеры и много-много девушек...

– У меня анекдот! – перебил ее, ласково потрепав по руке, Валентин. – Про «много-много девушек»... Представьте. Негр идет по пустыне...

– Бред какой-то, – чуть слышно пробормотала Катя, которую раздражало буквально все. Она постоянно думала о том, кто же стучался в ее дверь, когда она была одна. – Негр в пустыне...

– Идет он себе идет, изнемогает от жары и жажды... И вдруг находит кувшин... Потер его, как водится, и из него вылетел джинн. «Я могу исполнить любое твоё желание, говори!» Негр подумал и сказал: «Ну, во-первых, хочу, чтобы я был белым. Во-вторых, хочу, чтобы было много воды... А в-третьих...»

– ...много девушек, – догадалась Маша и захлопала в ладоши. – Я угадала?

– Угадала. Но вот что сделал джинн, ни за что не догадаешься...

– Я знаю, – мрачно сказала Катя и покачала головой: – Он сделал его унитазом в женском туалете?

Михаил расхохотался. Валентин посмотрел на Катю, как на предательницу, а Маша прыснула в кулак.

– Надо же, ну, надо же до такого додуматься?! – закатывался в хохоте Михаил. – Унитазом в женском туалете? Катя, откуда ты знаешь такой анекдот?

– От верблюда...

– Что с тобой? Тебе нездоровится? – Михаил вдруг понял, что смеется один и что его жена чем-то озабочена. – Катя... Если ты не хочешь, можешь остаться в номере с Сережей... или я с вами... Но если ты меня отпустишь, то мы... вдвоем посидим наверху, на крыше отеля... Там есть отличный рыбный ресторан... Нам с Валею гид рассказала...

– Хорошо... Идите. А мы с Сережей пойдем домой. Он уже спит... Да, кстати, а тунца-то поймали?

– Поймали! – оживился Михаил. – Нам его сегодня в ресторане подадут...

– Ты пьян...

Она злилась на него за то, что ему хорошо, а ей – плохо, что он не видит, что она чем-то сильно расстроена, что не чувствует ее, как тогда, пять лет тому назад, когда преступление сделало их близкими, родными людьми... Сегодня он был далек от нее, чужой и к тому же еще пьяный... А теперь еще он собирался ужинать без нее в рыбном ресторане... «Жду тебя вечером на крыше отеля, там есть рыбный ресторан...»

* * *

Она была права. Он был пьян. Напился, чтобы хотя бы на время забыть все то, что отравляло его жизнь в течение вот уже пяти лет... Валентин понял его, но ровно настолько, насколько может понять приятель (но не друг, не посвященный): они сбежали от своих жен, чтобы расслабиться, выпить... Никто и не собирался ловить ни тунца, ни скумбрии...

– Нет, как же все-таки хорошо, вот так, бросить всех, сесть на яхту и в прохладе ресторана пить ледяное пиво... – говорил Валентин, заговорщицки подмигивая Михаилу и не замечая в нем никаких перемен. – Брак – это, конечно, дело хорошее, но так хочется иногда побыть в чисто мужской компании, где тебя так хорошо понимают...

Михаил слушал его и завидовал тому, что единственной проблемой приятеля было как раз оторваться от жены и напиться на яхте. Как же мало ему надо было для счастья!

Если бы Михаилу задали вопрос, что он хочет, он бы ответил сразу, не задумываясь: чтобы был вычеркнут из жизни тот день, тот кошмар, тот лес и та могила... Он знал, что и Катю тоже мучают кошмары, что она плохо спит, и этот общий страх объединял их, связывал, ему иногда казалось, что они стали единым существом, испытывающим одни и те же чувства...

Они практически никогда не говорили на эту тему. Да и что было говорить, когда и так все было ясно: они на свободе до тех пор, пока кто-то не обнаружил захоронения... Быть может, им повезет, и эту могилу никто и никогда не найдет, а если и найдет, то никогда не вычислят убийцу...

О том, что пропал Иван Брагин, стало известно через два дня. Первый день прошел тихо, никто из их окружения не обратил внимания на его исчезновение, а вот на второй день началось: постоянные звонки, расспросы... Как же иначе, если все знали, что Иван днюет и ночует у Андрияновых. Он не появлялся у себя на фабрике, его машина стояла в гараже, его телефоны не отвечали... Спустя три дня объявили в розыск, который не дал никаких результатов. На все вопросы, связанные с исчезновением Ивана, Михаил с Катей отвечали, что да, он приходил к ним, чтобы поздравить с годовщиной свадьбы, но пробыл недолго, сказал, что очень торопится, что его ждет невеста... Про невесту они придумали сами.

Они старались вести себя естественно: сами называли общим знакомым, строили версии относительно его исчезновения. Катя самым натуральным образом плакала... Шло время, об Иване так никто ничего не узнал. Предполагали самые разные версии, начиная от потери памяти и заканчивая тяжелой болезнью... Никто не верил, что Ивана могли убить. Было бы из-за чего: деньги в сейфе фабрики на месте, причем довольно-таки крупная сумма, машина тоже на месте... Вскрыли квартиру – и вот там, на полу в ванной комнате, обнаружили грязное полотенце с пятнами, как выяснилось потом, крови Брагина, и опасная бритва, в его же крови...

Услышав об этом, Катя потребовала у Михаила объяснить, как это может быть? Откуда взялся этому полотенцу и бритве? На что Михаил невозмутимо ответил, что Иван, вероятно, брился, порезал щеку и промокнул рану полотенцем...

Все смешалось, она ничего не понимала...

Первую неделю Катя провела, как во сне: она вообще не понимала, что с ними происходит и когда же закончится эта пытка неопределенностью... Иногда утром ей казалось, что вот наконец-то она проснулась и сейчас выяснится, что Иван жив, а все то, что произошло с ними, – тяжелый сон...

Но Иван не звонил, не приходил, а знакомые, встречаясь с Андрияновыми, лишь пожимали плечами: мол, никаких новостей, мы не понимаем, куда он мог деться...

Разве могло кому-нибудь прийти в голову, что Ивана убила хрупкая молодая женщина, которая потом, уже с мужем, похоронила труп в лесу...

Михаил очень переживал за жену, боялся, что здоровье ее не выдержит, что она просто-напросто попадет в психушку.

Она отказывалась есть, говорила, что ее тошнит... К врачу долгое время идти не решалась, потому что, как она объясняла Михаилу, боялась, что тот *обо всем догадается*...

Но Михаил сам первый не выдержал и пригласил знакомого доктора.

– Ваша жена беременна, что вы так переполошились? – улыбнулся доктор. – Ей надо бы встать на учет...

Сначала Михаил не знал, радоваться ему или нет: ведь по срокам выходило, что ребенок может быть от Ивана. Но, с другой стороны, он знал, что Катя еще молодая женщина, что она хочет ребенка и, самое главное, рождение малыша может отвлечь ее от страхов...

Так на свет появился Сережа. Михаил же, глядя на сына, старался гнать от себя мучивший его вопрос: не сын ли он Ивана?.. Но и этот вопрос вскоре отпал сам собой: Сережа становился все больше и больше похож на Ивана...

А потом история с Иваном стала забываться. Какие-то новые события, хлопоты, заботы, впечатления... И вот когда уже совсем, казалось бы, эта история оставалась в прошлом, вдруг неожиданно она возвращалась и накрывала их обоих с головой, как душное темное одеяло, и тогда им двоим было трудно дышать... И тогда начинался сезон бессонниц, взаимных, пусть и безмолвных, обвинений, разочарований и страхов, страхов... Сережа в эти периоды страдал, он ходил от мамы к папе, всматривался в их глаза, словно пытаясь понять все то, что делало жизнь его родителей такой безрадостной.

И все равно, с каждым годом становилось жить все легче и спокойнее. Да и отношения супругов заметно улучшились, а Катя и вовсе, казалось бы, успокоилась. Забеременеть от Михаила ей не удавалось, хотя она не раз говорила ему, что готова снова стать матерью... Словом, жизнь постепенно наладилась, появились свободные деньги, которые они с удовольствием тратили на путешествия, отдых...

И вот тогда, когда, казалось бы, все наконец встало на свои места и они просто наслаждались жизнью (а понять эту сладость может лишь тот, кто сполна прочувствовал горечь беды, настоящей трагедии), вдруг появился этот человек... Михаил встретился с ним вначале в холле отеля, а потом во время ужина, в ресторане, он с какой-то молоденькой брюнеткой наблюдал, как юноша-турок в поварском наряде жарит мидии в тесте, сидя в лодке в искусственном водоеме, украшавшем ресторанный площадку...

Иван?!!

Ему надо было все хорошенько обдумать перед тем, как Катя начнет сама задавать ему вопросы...

– Ты понимаешь, Катя, я забыл тебе сказать: у Ивана был брат-близнец, думаю, что это он...

Или:

– Катя, ты же понимаешь, что это не может быть Иван. Значит, просто мужчина, удивительным образом похожий на Ивана...

Или:

– Дорогая, тебе просто померещилось... Мы-то с тобой знаем, где Иван... Успокойся, отдыхай и старайся ни о чем не думать... Знаешь, такое иногда бывает: вот чувствуешь, что все в твоей жизни наладилось, что все в полном порядке, и вдруг начинаешь испытывать

нечто вроде пресыщенности... И вот тогда-то и начинают приходить в голову разные глупости, возвращаются забытые страхи...

Когда они с Валентином возвращались в отель, к нему подошел мальчик-посыльный и спросил:

– Господин Андриянов? – На хорошем русском. – Вам записка.

Михаил развернул и прочитал:

«Сегодня в 20.00 на крыше отеля, в рыбном ресторане».

– Мы Сережу возьмем? Он же через час там уснет...

– Как только уснет, я отнесу его в номер... Дорогая, ты готова?

Он старался вести себя, как всегда, не выдавая волнения. И вдруг Катя, в черном, в блестках, вечернем открытом платье подошла к нему, окатив теплой волной духов, и сказала отрывисто, нервно:

– Сегодня утром, за завтраком, я видела мужчину, как две капли воды похожего на Ивана... Скажи, это у меня галлюцинации?

– Думаю, ты ошиблась... – Он до последнего не подавал вида, что и сам расстроен, угнетен.

– Может. Но тогда почему же он потом подошел к нашему номеру, где я отдыхала после бани, и попросил меня открыть дверь? И голос у него был, как у Ивана...

– Просто этот мужчина проявил к тебе интерес... Возможно, что, когда ты разглядывала его, пытаясь определить, насколько он похож на Ивана, ты тем самым дала ему повод приударить за тобой...

– Как тогда? – воскликнула она фальцетом.

– Извини, я не хотел тебя обидеть!

– Ты скажи еще, что я сама его тогда спровоцировала, что захотела, чтобы это произошло, а потом, когда испугалась, решила ударить его вазой?! И забеременеть от него захотела, да? – У нее явно начиналась истерика. – Потому что от тебя не получалось... Миша, что такое ты говоришь? Как ты можешь меня упрекать? Как? Мы же с тобой через такое прошли...

– Но я не сказал тебе ничего особенного... Я тебя ни в чем не упрекнул! Успокойся, возьми себя в руки!.. Катя... Нас уже ждут... Мы же сказали Вале с Машей, что придем в восемь, а уже четверть девятого... пожалуйста, прошу тебя... не надо портить вечер... Все прошло, слышишь?! Прошло!!!

Она вдруг как-то сникла, словно даже стала меньше ростом, покорно подошла к мужу и дала себя поцеловать.

– Ладно... Просто он очень похож... вот и все...

6 Июль 2008 года Титреенгёль, Турция

– Скажи, зачем они лимон заворачивают в сетку?

Маша взяла в руку половину лимона и долго вертела в руках...

Они вчетвером (Сережу давно уже отнесли в номер спать) сидели за столиком на крыше отеля, откуда открывался чудесный вид за морской залив, озеро и прилегающую к отелю узкую, ярко освещенную торговую улочку.

– Чтобы семечки не падали в рыбу, когда будешь выжимать сок... – рассеянно ответила Катя, чувствуя, как мужчина, похожий на Ивана, разглядывает ее, сидя за соседним столиком. Она уже несколько раз наступила Мише на ногу, показывая взглядом на этого нахального парня, и он, как ей показалось, понял ее, но в ответ лишь пожимал плечами: мол, ну и что, говорю же, тебе показалось...

Катя думала о том, что как же хорошо, что компанию в Турцию им составила пара, не имеющая ничего общего с Иваном и их общими знакомыми. Просто бог спас!

– Смотри, как этот парень смотрит на тебя, – вдруг сказала Маша, с аппетитом уписывая разваренного, розоватого, как говяжьего тушенка, тунца.

Катя покраснела, обернулась, потому как не обернуться было бы неестественно, и тут увидела мальчика-официанта, действительно разглядывающего ее с бесстыдством, свойственным лишь его возрасту... Однако боковым зрением она не могла не заметить и другой, обращенный на нее взгляд...

– Надо же, разве он не видит, что я пришла не одна... Здесь что, так принято?

– Наверное... Просто им нравятся русские женщины. Вот и все! – улыбнулась, пытаясь смутить паренька со сверкающей от геля шевелюрой, Машка.

– Девчонки, вы так разговариваете, словно нас здесь и нет, – сказал Валентин. – Может, мы вам уже надоели?

– Вот именно... – тихо поддакнул ему Михаил. – Слушай, Валя, меня уже от этой анисовой мутит... Я сейчас снова напьюсь, как там, на яхте... Меня Катя не пустит в номер... Оставит в коридоре...

– Да, оставлю...

Она даже разговаривала как-то механически, как заводная кукла. Она вообще не знала, как ей себя вести. И тут, к ее ужасу, к их столику подошел «Иван». Наклонился и, обращаясь к Михаилу, спросил:

– Вы не позволите пригласить вашу даму на танец?

– Если дама желает... почему бы и нет?

Катя посмотрела на мужа удивленно-испуганно:

– Миша?!

– Катя, иди! – Машка легонько шлепнула ее по плечу. – Ты сегодня такая красивая... Главное – не опускайся до официантов...

Конечно, праздничная атмосфера располагала к развлечениям, шуткам, а зажигательная музыка – к танцам. Она должна вести себя естественно. В конечном итоге она выяснит, кто этот парень и не брат ли он близнец Ивану. Ведь это же в любом случае не может быть Иван!

– Хорошо... – Она натянуто улыбнулась, вышла из-за стола и, стараясь не смотреть на спутника, вышла на танцплощадку...

* * *

– Ну, наконец-то! – жарко зашептал ей на ухо «Иван». – Я уж думал, ты избегаешь меня... Катя, господи, какая же ты стала красотка! Прямо расцвела, как цветок... Ты до сих пор живешь со своим «папиком»? И еще не бросила его?

Он ущипнул ее, и она чуть не вскрикнула. Ей вдруг начало казаться, что это вовсе и не Иван, и эта приятная, сладкая мысль заставила ее раскраснеться от нахлынувшего на нее теплого чувства безопасности и покоя... *Но как же похож ...*

– Послушай... Не говори со мной так... не смущай меня... – Она решила выяснить, с кем же она танцует, действуя по наитию и ограничиваясь дежурными и ничего не значащими фразами. – Он же может услышать!

– Ты моя хорошая, – и он, улучив момент, когда они стояли спиной к столику, за которыми сидела троица, поцеловал ее в щеку. – Знаешь, я так часто вспоминал то время... Правда же, мы были так счастливы...

Теперь уже она смотрела на него с выражением полного ужаса на лице.

– Счастливы? Ты находишь?

– Я понимаю, прошло целых пять лет, – задышал он ей в щеку. – Мы изменились, у нас свои жизни... Но одна-то жизнь – на двоих... Если бы не наша любовь, не было бы этого мальчика-ангелочка... Ты как его назвала? Как, признавайся!!! Ведь он же – моя точная копия?! Что, твой муженек совсем ослеп?

У нее мороз пошел по коже.

– Не знаю... Послушай, я прошу тебя, что бы ни было между нами в прошлом, мы должны это забыть и все. У меня муж, у тебя – жена...

– Да какая она мне жена? Так, подружка для путешествий... Ее хлебом не корми – повози ее по свету...

Она все еще никак не могла понять, Иван это или нет.

– Скажи, – она вдруг решила сделать вид, что она шутит, пытаясь вспомнить что-то веселое, нелепое, что бывает в каждом прошлом, – у тебя голова после этого... ну, ты помнишь... не болела? Не было сотрясения? – Она, конечно, рисковала, когда спрашивала об этом.

– Голова? Стой... Дай-ка вспомнить... А... Понял... Это когда мы с тобой переправлялись на лодке с одного острова на другой, и я к тебе приставал, а ты огрела меня веслом? Да, болела... Еще как болела... Ой-ой-о-о-ой, как болела... Но мне, знаешь, была приятна эта боль... И вообще, мне было приятно все, что ты мне делала... – Он снова ущипнул ее за бедро, как будто бы имел на это право. – Катя, лапочка, может, ты завтра отправишь своего муженька куда подальше, и мы с тобой завихримся куда-нибудь, в Анталью, к примеру? Там так красиво, ты не представляешь себе... У меня там друг один живет, квартиру купил... Мы бы погуляли там вечером, я бы показал тебе город, посидели бы где-нибудь, выпили... чаю!!! Ты представляешь, эти турки пьют один чай! Я скоро утону в этом чае...

Она слушала его, и глаза ее наполнялись слезами. В ушах звенело: «...*Это когда мы с тобой переправлялись на лодке с одного острова на другой, и я к тебе приставал, а ты огрела меня веслом...*» Кто же этот чудака и как его зовут?

– Послушай, танец уже закончился, уже второй начался... Отведи меня, пожалуйста, к столику... к мужу... – взмолилась она, поскольку ноги ее уже не слушали, она едва стояла.

– Катя, ну, я очень прошу тебя, пообещай мне, что отправишь завтра куда-нибудь своего муженька...

– Но зачем тебе все это? Не с кем развлечься? У тебя же есть девушка... красивая, между прочим...

– Ты, я вижу, забыла меня... – сказал он вдруг с грустью, и лицо его при этом приняло выражение невыразимой нежности, любви.

– Нет... нет, не знаю... – Она не выдержала этот взгляд, опустила голову.

Иногда ей казалось, что она смотрит в глаза Ивану, и, хотя она уже и поняла, что это не он, но все равно это было его лицо, его руки, его дыхание... Это был он и одновременно не он.

– Ну, родная, скажи: Сережа, я тебя не забыла, я люблю тебя до сих пор, я и сына своего назвала в честь тебя – Сережей... И не отказывайся, я же слышал, как ты на пляже его звала... Скажи мне одно: ты еще любишь меня?

Ей вдруг стало жаль этого парня, который так хотел услышать от нее, от своей Кати (о которой она ничего не знала), слова любви, и она сказала:

– Да, я люблю тебя... Вернее, любила... Но я все равно не поеду с тобой в Анталью, я не могу... Понимаешь?

– Понимаю... Понимаю, что я – осел...

– Ты сам все знаешь...

– Я виноват перед тобой... – Он крепко обнял ее и, бросив быстрый взгляд на сидящих за столиком Михаила, Валентина и Машу, прошептал ей в самое ухо: – Я виноват... виноват... Это только я знаю, как я перед тобой виноват...

«А уж как я виновата перед тобой», – подумала, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, Катя. Она закрыла глаза и увидела ночной лес, разрытую могилу...

– Я сейчас сойду с ума... – прошептала она, глотая слезы.

– Не сойдешь. Все нормально... Спасибо за танец... – Он галантно поцеловал ей руку.

* * *

Они вернулись в номер, Сережа спал. Катя сняла с себя платье и встала под душ. Она так плакала, так рыдала, что ей иногда казалось, что это не вода из душа хлещет, а ее слезы, что они всюду, всюду и что море за окном, прекраснейший залив – тоже из ее слез...

Миша зашел в ванную комнату, присел на краешек ванны.

– Ну что ты так? Ну, успокойся, прошу тебя... Не могу слушать, как ты плачешь... нельзя так... Что он тебе сказал? Ты вернулась бледная, сама не своя...

– А как ты думаешь, что он мог мне сказать?

Михаил схватился за голову:

– Понятия не имею...

– Он сказал, что любит меня... Что счастлив, что я назвала сына его именем...

– Да?! Это как же... так... – Он смотрел на нее и ничего не понимал.

– Я устала, Миша, понимаешь? Устала бояться...

– Ты сказала, что назвала сына его именем...

– Вот именно! Это не он... не он. Этого мужчину зовут Сергей, и он спутал меня с какой-то другой Катей, которая на меня похожа... Представляешь? И роман у него с ней был тоже пять лет тому назад. Может, у него тоже чувство вины... Может, он бросил ее беременную, исчез, а теперь вот, спустя пять лет, встретил... И ведь он был уверен, что разговаривает со своей Катей...

Михаил вышел из ванной комнаты. Сел на кровать. Подумал, что был всего в одном мгновении от разоблачения, от правды...

Правда. И простит ли его Катя, если узнает настоящую правду о том дне, обо всем том, что произошло в их квартире после того, как она ударила Ивана вазой по голове?... Поверит ли в стечение обстоятельств?

7 Сентябрь 2003 года Москва

– Вы все адвокаты – твари. Любите загребать жар чужими руками... Но я записал весь наш вчерашний разговор на диктофон... Думаю, ты знаешь, насколько все это серьезно... Причем это будет касаться не только тебя (а ведь ты сразу потеряешь практику как адвокат, которому нельзя довериться), но и Воробьева, того судьи, которому ты собираешься передать эти деньги...

Он стоял перед ним, высокий, плотный мужчина с рожей бандита, изо рта его воняло, а лицо его, обросшее желтоватыми угрями, вызывало отвращение... А ведь речь шла о том, чтобы вызволить из тюрьмы, вернее, из камеры предварительного заключения, его родного брата Дениса, томящегося там уже месяц... И деньги эти, которые он принес Михаилу, адвокату, который вел дело об убийстве молодой женщины, принадлежали подозреваемому, как раз его брату, Денису.

Вчера (при включенном диктофоне, как оказалось) они обговаривали детали, а сегодня этот мерзавец Юра принес только половину денег (причем речь шла о крупной сумме) и сказал, шантажируя его разоблачением, что вернет пленку с компрометирующим разговором о взятке Воробьеву, если Михаил, когда выйдет Денис, подтвердит, что он получил от Юры всю сумму – сорок тысяч долларов.

Да, он виноват, Михаил, виноват, что он согласился на это грязное дело, но взятку никому давать не собирался – он владел ценнейшей информацией, свидетельствовавшей о том, что подсудимый, то есть Денис, не виновен и что дело сфабриковано прокуратурой и развалится в зале суда... Он был в хороших отношениях с судьей и заранее знал исход дела... Он хотел присвоить эти деньги себе. Вот так. Ради Кати, ради них обоих... И никому бы от этого не было плохо: обвиняемого освободили бы в зале суда, и все его близкие и дружки знали бы, что сработала взятка... И какое им потом дело до нравственной стороны того вопроса?! Они и про судью бы потом забыли, как и о многом другом... Что же касается того, что он был неосторожен и допустил, что его разговор записали, так это сработал очевидный фактор: в глубине души он же знал, что не совершает никакого преступления, что никогда не отдаст эти деньги Воробьеву, вот и расслабился в предвкушении хорошего куша... Может, и прав был этот... Юрий... Что все адвокаты – твари... Юрий... Да, его звали Юрием – брата Дениса.

Разговор происходил в кафе. Юрий требовал, шипя ему в ухо и смердя своими гнилыми зубами, чтобы в случае, если Дениса отпустят, тот знал, что судье дали не двадцать тысяч долларов, а сорок. Он повторял это много раз, словно Михаил был идиотом и не мог никак уяснить, что же от него хотят...

Деньги находились в пакете, Юрий даже показал их Михаилу, мол, с деньгами все в порядке.

– Я должен проверить эти деньги... – вдруг осенило Михаила.

– Не вопрос! Сейчас пойдем в любой банк и проверишь, – сказал с ухмылкой Юрий.

– Двадцать тысяч зеленых? И ты думаешь, что эта процедура не привлечет внимания работников банка? И вообще... Я договорился с судьей на сорок тысяч, – сочинял он на ходу, оттягивая время, чтобы принять правильное решение. – Как же я могу после этого требовать от него результата? И, тем более, как я потом посмотрю в глаза Денису? Ведь он, если останется за решеткой, вызовет меня к себе, чтобы посмотреть мне в глаза и спросить: передал ли я судье деньги? И что я ему скажу: что половину отдал его родному братцу?

– Меня это уже не волнует... Я принес двадцать, а ты скажешь, что передал сорок. И пусть он потом разбирается с судьей... Они и так все в шоколаде... Мне деньги нужны, понял? Мы с Деном вместе начинали наш бизнес... И я не виноват, что он один так быстро поднялся и стал крутым... И он сам виноват, что эту бабу завалил... А сейчас у меня появился шанс тоже... немного подняться, купить себе тачку... надоело на своем «пельмене» ездить...

Михаил знал, что к убийству женщины Денис не имеет никакого отношения, он просто подвез ее на своей машине, а убил ее, по всей видимости, ее сожитель... Но это уже другое дело.

Он понимал, что попал в сложную ситуацию. Если он сейчас возьмет двадцать тысяч и согласится сказать Денису, что Юрий дал ему сорок, а Юрий возьмет двадцать, то эта правда рано или поздно вылезет. Денис его найдет и спросит, сколько же денег на самом деле привез ему Юрий. А спросит потому, что Юрий, этот идиот, купит себе машину, и Денис сразу все поймет... И получится, что он покрыл вора. А этот вор к тому же еще наверняка придумает байку вроде того, что они поделились... Денис – такой же бандит, как его братец, и весь их бизнес – ворованные автозапчасти – всего лишь прикрытия, а промышляют они совершенно другим ремеслом – содержат притон, воруют машины... Ему надо бы договориться с Юрием, объяснить: то, что он затеял, опасно прежде всего для него, для Юрия...

– Покажи диктофон... – потребовал Михаил. – Тогда, может, и договоримся...

– У меня только пленка. Диктофона нет. Я у кореша брал, на один день...

– Тогда поехали ко мне, я проверю, та это пленка или нет... Надеюсь, у тебя нет копии? Ты пойми, ведь у меня тоже могут быть связи... К тому же не забывай – я все-таки адвокат твоего брата...

И они поехали. Он думал, что бы такое предпринять, что бы такое придумать, чтобы Юрию не достались деньги, чтобы он принес оставшуюся сумму – двадцать тысяч долларов... Ведь он все равно не выдержит, проговорится брату, и разбираться Денис будет уже с ним, с Михаилом... Такие, как он, особо не церемонятся...

А тут еще этот странный звонок Кати. Она так нервничала, у нее голос был такой странный...

Он наплел ей что-то про клиента...

«– Миша, где ты встречаешься со своим клиентом?

– В кафе «Лагуна», ты знаешь, недалеко от городского парка...

– Да, я знаю. Пожалуйста, никуда оттуда не уезжай, я сейчас приеду...

– Что-нибудь случилось, Катя?

– Приеду и все объясню ...»

Он знал, что она просто так не станет его беспокоить, она понимала, что когда он с клиентом – это святое... Видимо, произошло что-то серьезное...

И он предложил Юрию поехать к нему домой. А там видно будет...

...Он открыл дверь своими ключами. Вошел и увидел Ивана. Тот сидел в трусах и расстегнутой рубашке, голова была обмотана мокрым полотенцем в буроватых пятнах крови... Увидев Михаила, он поднялся и сразу же застонал, схватился за голову...

– Миша, я должен тебе все объяснить... – простонал он.

Мысли понеслись, одна обгоняя другую... На Ивана напали возле их дома, когда он выходил из машины... Разбили голову, он пришел сюда, Катя перевязала ему голову и позвонила мужу, то есть ему... На него напали в лифте... В их квартиру ворвались грабители...

Чушь собачья!!! Он в трусах! С разбитой головой. Это Катя ударила его чем-то по голове, испугалась и убежала... Он пытался изнасиловать ее... Иначе за что она могла его ударить?

Все это вихрем носилось в голове, стучало в висках... А рядом стоял Юрий и дышал, что называется, в затылок...

– Ну, ты... это... Ты куда меня привел? Давай проверь свою пленку, да я пойду... – напомнил о себе мнущийся у порога Юрий.

Михаил повернулся к нему и понял, что он сейчас набросится на него, вцепится ногтями в его рожу... А перед глазами стояла Катя, обнаженная... И рядом – Иван, его лучший друг, в трусах... Он еще никогда не чувствовал такой прилив ярости, злобы...

– Послушай, ты немедленно отдаешь мне пленку, и никаких денег ты себе не оставишь, а принесешь мне остальные... Иначе я найду способ, как сообщить о том, что ты присвоил себе деньги, Денису, и он из тебя душу вынет... И он поверит скорее мне, а не тебе, понял? У меня – репутация, и он отлично знает, с кем имеет дело... И взятку поручил передать потому, что знал – я это сделаю честнее других... Я же гарантировал ему результат. А для него это сейчас – самое важное, свобода!

И дальше все произошло, как в тумане... Он плохо помнит последовательность событий, кто и кого ударил первым... Кажется, Михаил все же расцарапал ему лицо, тот, озверев, бросился на него, они схватились, покатались по полу... Михаил почти не чувствовал боли, он яростно колотил этого дурно пахнувшего мордоворота по голове, лицу, получая в ответ тяжелые удары в живот, челюсть... Потом вдруг произошло нечто, после чего, как будто бы после удара по голове кулаком, Юрий осел, обмяк, а потом медленно сполз на ковер... Иван держал в руках вазу.

– Слушай, Миша, – заговорил он быстро, словно его в любой момент могли прервать. – Я тебе сейчас все объясню... Я уеду, только ничего не надо, ни экспертиз, ничего... – говорил он в страшном волнении, теперь уже прижимая вымазанную в крови вазу к себе, как драгоценность. – Прости меня, прости, если сможешь... Я совсем потерял голову... Я не знаю, как все случилось...

Михаил сначала ничего не понял, он склонился над распростертым Юрием и вдруг как-то легко и спокойно воспринял факт, что тот мертв. Все, история с деньгами закончилась. Через пару дней Дениса отпустят прямо в зале суда. Двадцать тысяч Миша положит в свой сейф... А Иван... Ивану он, безусловно, поможет избавиться от тела... Он-то и вовсе ни при чем, он лишь помог ему, отвел удар и, быть может, даже спас его от тяжелых травм...

– Миша, ты поможешь мне? Он мертв... Я не хочу в тюрьму... Меня там убьют... Помоги мне... Я не хотел его убивать, я хотел просто остановить... Это же бандит... его видно!

Михаил слушал его, смотрел на его трусы – белые в полоску и спрашивал себя: что он делал в трусах у него дома? И почему у него перевязана голова... Катя. Мысли вертелись по кругу... Это она ударила его...

И вдруг он что-то начал понимать.

– Иван... Что здесь произошло?

– Прости меня, Миша... прости...

«– Слушай, Миша, я тебе сейчас все объясню... Я уеду, только ничего не надо, ни экспертиз, ничего...»

Он говорил про экспертизу...

– Ты что, был с моей женой? С Катей? – Его охватила слабость, как если бы он внезапно серьезно заболел.

– Она ни в чем не виновата... – Иван, вдруг вспомнив, что без штанов, бросился к креслу, схватил брюки и принялся надевать. – Только, пожалуйста, верь ей... Все, что она тебе скажет, – все правда... Это я. Не выдержал... Я взял ее силой, Миша, она не хотела, она сопротивлялась... Она ударила меня... Но я не хочу в тюрьму...

– А еще ты убил человека... – страшным голосом произнес Михаил, чувствуя, как рушится его жизнь...

– Господи, Миша, но я же хотел помочь тебе... Я же этого парня совсем не знал... Вы начали драку... Я видел твое лицо... ты и сам готов был разорвать его...

Решение пришло само. Ниоткуда. Словно кто-то сверху подсказал его...

– Сделаем так. Ты – исчезаешь. Понимаешь? Я дам тебе денег, и ты уезжай – на перекладных, нигде не регистрируясь...

– Можно в Питер? У меня там друг, он давно звал меня... – Он еще соображал, этот Иван...

– Сделаешь себе другие документы... А Кате я скажу, что нашел тебя с пробитой головой, мертвого, понимаешь? Как будто бы это она тебя убила... Ведь она так наверняка и думает... Потому и позвонила мне, чтобы встретиться и все мне рассказать...

– Ты что? Как она будет после этого жить? С покойником на шее?

– Зато она никогда меня не бросит... – честно признался Михаил. – Она не любит меня, я это знаю... А я без нее не могу, понимаешь?

– Но это жестоко... Так нельзя...

– Это же она разбила тебе голову?

– Да... Нет...

– Я все понимаю... И тебя тоже понимаю... Но ты только что обесчестил мою жену, и ты не должен оставаться в этом городе... Тебя по-хорошему убить мало... А если я укуе тебя за решетку, а я это могу сделать, ты знаешь, тебе там мало не покажется... Ты не выдержишь там и дня... Знаешь, как на зоне с насильниками обращаются?

– Хорошо, я исчезну... Я сделаю так, как ты хочешь...

– Конечно, сделаешь... У тебя нет выбора.

– А труп? Смотри, кровь... Впитывается прямо в ковер...

– Это не твоя забота. Сейчас быстро надевай мою одежду, твоя слишком яркая, приметная, вот тебе деньги (он отсчитал пять тысяч долларов из тех денег, что находились в пакете Юрия), на первое время хватит... Ты должен исчезнуть, понимаешь? Экспертизу мы все равно сделаем... Так, на всякий случай...

– А как же фабрика? Квартира?

– У тебя есть наследники?

– Отец...

– Должно пройти определенное время, чтобы он вступил в права наследования, понимаешь? Подожди... – Он лихорадочно вспоминал номер статьи. – У меня было подобное дело... Вот... сейчас...

Память его не подвела.

– «Ст. 45 ГК РФ... Гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет...» А теперь слушай: «...если же он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, – в течение шести месяцев». Далее: «Днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. В случае объявления умершим гражданина, пропавшего без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, суд может признать днем смерти этого гражданина день его предполагаемой гибели». Иван, я позабочусь о том, чтобы твой отец как можно скорее вступил в права наследования и владения фабрикой...

– Но тогда надо бы придумать эти обстоятельства...

Позвонила Катя. Из кафе «Лагуна». Она была рассержена, она злилась на него, ведь он обещал ждать ее в кафе, а сам...

«– Ты где?! Миша, ты почему молчишь?

– Хотел перехватить тебя... Сиди и жди меня, хорошо? Понимаешь, я выехал тебе навстречу. Видимо, мы разминулись...

– Ты где?

– Я еду к тебе ...»

Главным было – не допустить, чтобы она вернулась домой и увидела на полу труп совершенно другого человека...

– Об обстоятельствах, которые свидетельствовали бы о твоей гибели, я позабочусь сам...

Он схватил мокрое полотенце, испачканное в крови Ивана, которое тот давно уже сорвал с головы и бросил на пол, и сунул в пакет, спрятал в шкафу. Затем его осенило. Он взял свою опасную бритву, тщательно вымыл ее.

– Выдави немного крови сюда... Пусть думают, что тебя убили...

Иван, морщась от боли, сделал так, как он просил. Бритва тоже перекочевала в пакет...

– Скажи, зачем тебе все это? Может, ты забудешь то, о чем я тебе рассказал, мы спрячем труп в лесу, и все – обещаю тебе никогда не приходить к вам домой и не встречаться с Катей...

– Не смей! – закричал Миша, и голос его сорвался. – Не смей даже произносить ее имя! Ты изнасиловал мою жену и теперь предлагаешь мне спокойно жить дальше, как будто бы ничего не произошло?! И по-прежнему будешь волчьими глазами смотреть на нее, на Катю, которая относилась к тебе, как к брату...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.